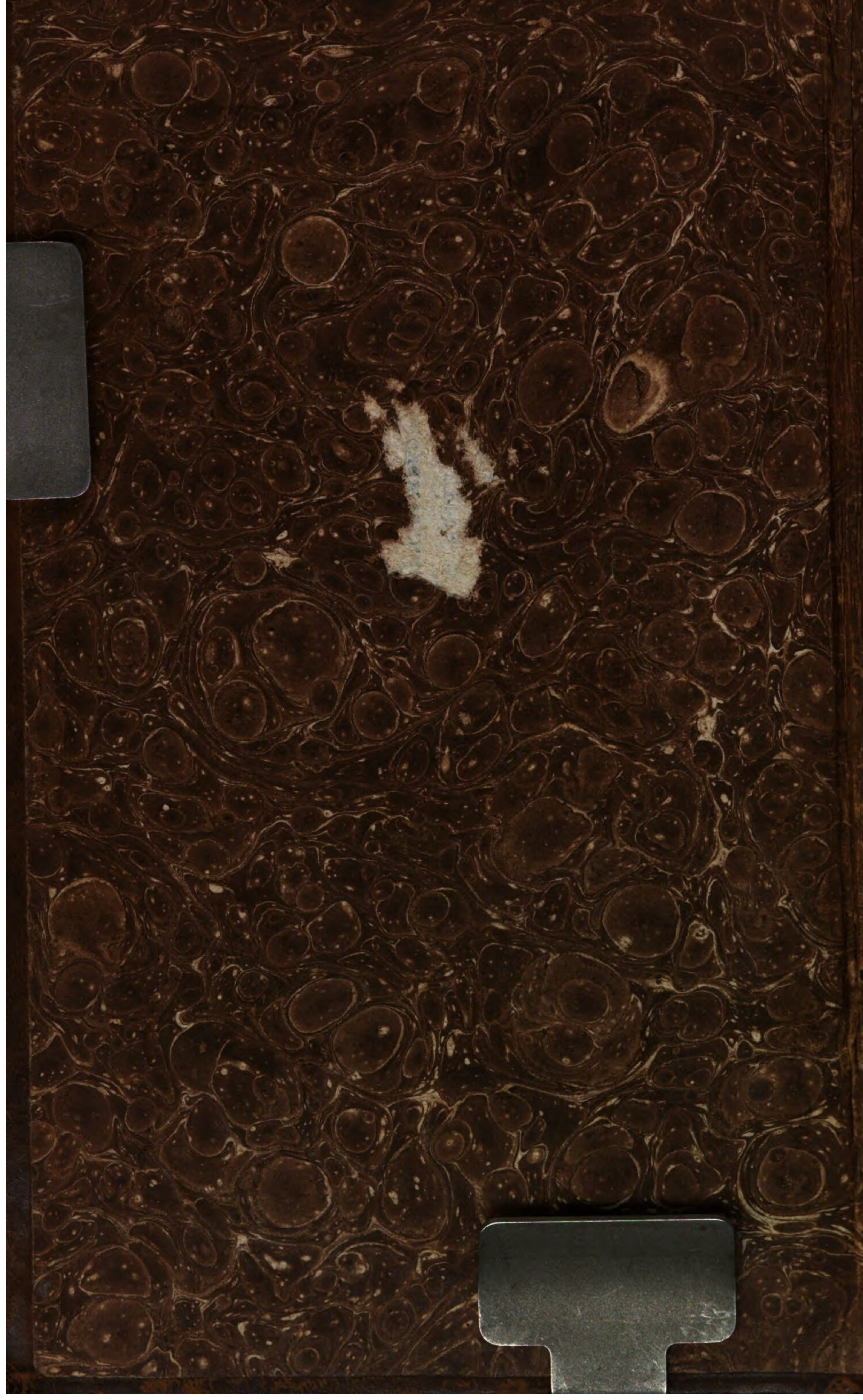
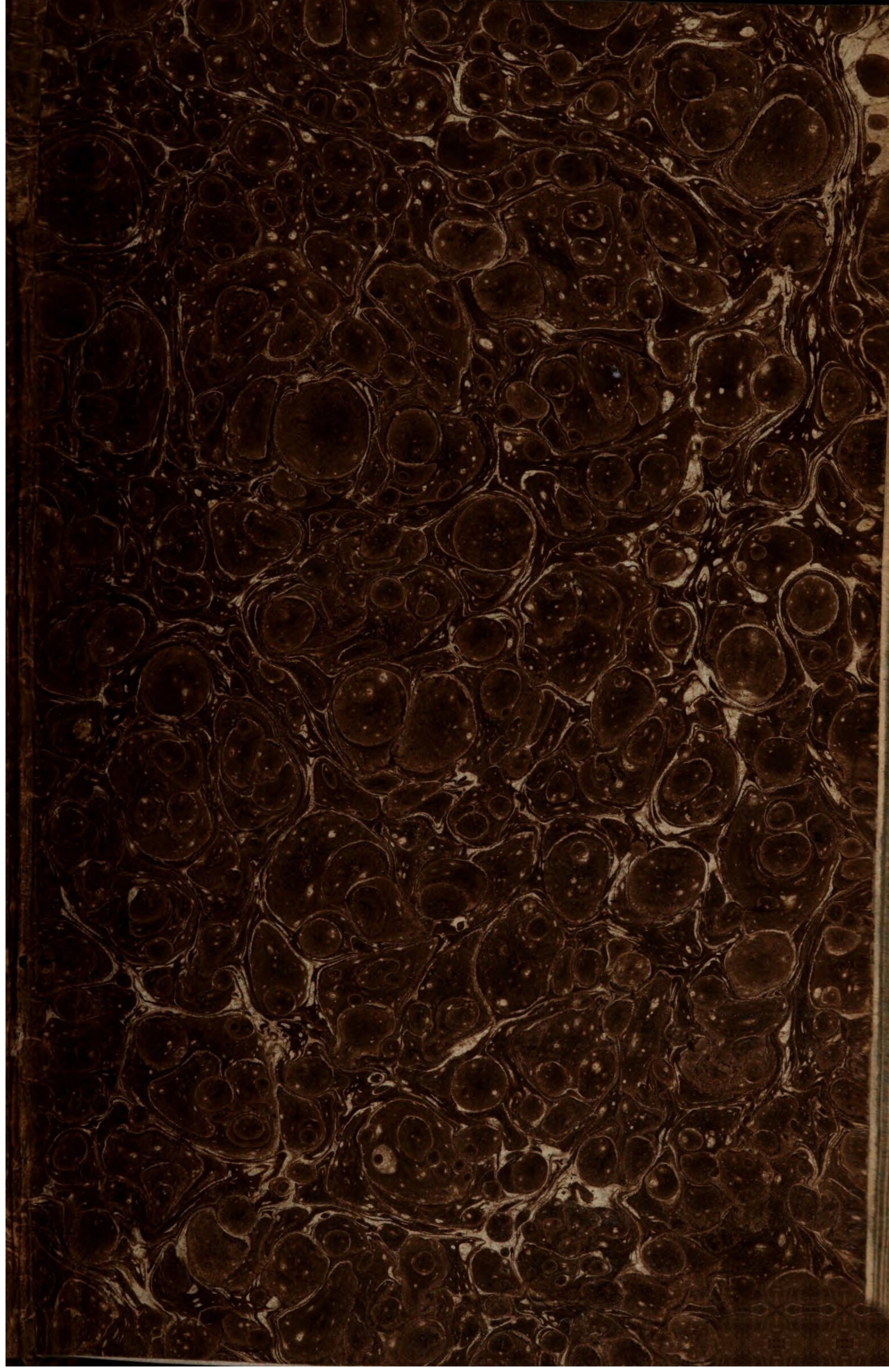

P. o. russ.

62

α

St. Mucken.

6 Kc - 11
1878

P.O. russ. 625

4707/69

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

Fgt 173/5557

17

В. А. И. Е. Н. Р. А.

А. П. И. Е. Н. Р. А.

И. О. БОГДАНОВИЧЪ.

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ ВОЛЬНЫХЪ СТИХАХЪ.

Сочиненіе

ИППОЛИТА ФЕДОРОВИЧА

БОГДАНОВИЧА.

Издана

Пл мѣ Бек мѣ.

ИЗДАНИЕ ДЕВЯТОЕ,

въ точности напечатанное противъ перваго изданія.

МОСКВА.

Въ Типографіи Семена Селивановскаго.

1824.

Печатамъ позволяется съ тѣмъ, чтобы по ошпеча-
шаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были
въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей
книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Депар-
таментна Министрства Народнаго Просвѣщенія, два
экземпляра для Императорской Публичной Библіо-
теки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ.
Москва, 1824 года, Мая 22 дня. Книгу сію разсмапри-
валъ Ординарный Профессоръ, Сшашскій Совѣтникъ и
Кавалеръ

Алексѣй Мерзляковъ.

Bayrische
Staatsbibliothek
München

МОСКВА

Въ Типографіи Семѣна Свѣтловскаго

1824

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Не Ахиллесовъ гибѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ Боги спорили и гдѣ дрались герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! я въ помощь призываю
Украшишь пѣснь мою,
Кошору въ простомъ свободной я слагаю.
Не лиры громкій звукъ, услышишь ты свирѣль.
Сойди ко мнѣ, сойди отъ мѣстъ тебѣ пріятныхъ,
Подай мнѣ вѣжну мысль, и разумъ мой осмѣль
Коснусь щасія селеній благодатныхъ,
Гдѣ ты всегда безъ бѣдъ проводишь сладки дни,
Гдѣ царствуютъ безъ скуки веселости одни.
У хладныхъ береговъ обильной льдомъ Славены,
Гдѣ Фебъ шуманился и кроется отъ глазъ,
Яви пошони мнѣ чудесной Ипокрены;
Будь ты мой Аполлонъ и ты мой будь Парнасъ,

Содѣлай въ холодѣ щасливыи перемѣны,
 Яви всегдашнюю свою весну у насъ.
 Съ тобою завсегда присушествуютъ Зефиры,
 Бѣгутъ отъ мѣстъ, гдѣ ты, докучные Саширы,
 Хулы, и кришки, и грусти, и бѣды;
 Забавы безъ тебя приносятъ лишь труды,
 Веселья морщатся, Амуры плачутъ сирѣ.

О ты, пѣвецъ Боговъ,
 Гомеръ, отецъ стиховъ,
 Вездѣ умомъ богашыхъ,
 И равныхъ и двойчашыхъ,
 Проси вину мою,
 Коль мѣрныхъ пѣсней я не спрою:
 Доволенъ мыслию простою,
 По вольному стиховъ покрою,
 На всякой образецъ крою,
 И малой мѣры, и большія,
 И часто рѣемы холостыя,
 Безъ сочешанія законнаго въ стихахъ,
 Ошважно ставлю на концахъ.
 А естли отъ того усшану,
 Ошважно и покойно сшану,
 Забывъ чернилъ и перьевъ сшрахъ,
 Забывъ саширъ и кришкѣ грозу,
 Писашъ безъ рѣомъ, иль просто въ прозу.
 Любя свободу я мою,
 Не для похвалъ себѣ пою;
 Но чшобъ въ часы забавъ, веселья и покоя,
 Прѣянно размѣялась Хлоя.

Издравле Апулей, пошомъ де-ла-Фоншенъ,

На вѣчну память ихъ именъ,

Воспѣли Душеньку и въ прозѣ и стихами,

Другимъ языкомъ съ нами.

Въ сей повѣсти они

Острѣйшихъ разумовъ пріятности явили,

Перомъ ихъ, кажется, что Граціи водили,

Иль сами Граціи писали шо одни;

Но есѣли подражать ихъ слогу не возможно,

Могу поставишь въ свѣтѣ свидѣтелями ихъ,

Что въ вольныхъ я стихахъ моихъ

Писалъ за ними въ слѣдъ исторію не ложно,

И точно шо сѣзалъ, что люди знали въ старь.

Во древней Греціи, въ то время,

Когда размножилось повсюду Царско племя,

Какъ въ каждомъ городѣ былъ Царь,

И, есѣли пожелалъ, былъ богъ, имѣлъ олтарь,

Межъ многими Царями

Одинъ ошличенъ былъ

Числомъ военныхъ силъ,

Умомъ, лицомъ, кудрями,

Избышкомъ живошовъ,

И хлѣба и скошовъ.

Бывали шамъ сосѣди,

И злы и хищны такъ, какъ волки иль медвѣди:

Извѣстенъ Ликаонъ,

Котораго писалъ исторію Назонъ;

Извѣстно, гдѣ и какъ на самомъ дѣлѣ онъ,

За хищныя дѣла и за кривые толки,

Изъ Греческихъ Царей разжалованъ былъ въ волки.

Но шомъ, о коемъ я хочу сказать шеперь,
Ни образомъ своимъ, ни нравомъ не былъ звѣрь.

Былъ обществу полезенъ,

И былъ Богамъ любезенъ;

Достойно награждалъ,

Достойно осуждалъ;

И ешлы находилъ онъ въ людяхъ звѣрски души,

Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши,

Инымъ коровій хвостъ, инымъ двѣ пары ногъ,

Инымъ верблюжій горбъ, инымъ бараній рогъ.

Отъ ѣдкой древности, которая все глошаетъ,

Архива дѣлъ его не вся сбережена,

Осташонъ правъ его, однако, почитаетъ

И самый поздный свѣтъ, по наши времена.

Зависшливымъ велѣлъ безъ дѣла вѣкъ шрудаться,

Чтобъ щасшяе другихъ

Всегда крушило ихъ,

И не моглибъ они покоемъ наслаждаться;

Скупымъ опредѣлилъ у золоша сидѣть,

На золото глядѣть,

И золотомъ прельщаться,

Но имъ не насыщаются;

Слѣсивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться,

И всѣмъ потомкамъ ихъ далъ въ казню такуюжъ слѣсъ,

Какая видима осшалась и поднесъ;

Велѣлъ, чтобъ міръ ни въ чемъ не вѣрилъ

Тому, что льстилъ и лицемѣрилъ;

Клевешникамъ въ удѣлъ,

И доносителямъ неправды Государю

Вездѣ носишь велѣлъ

Противнѣйшую харю,

Какая изъяслять клеветущих могла :

Такая видима была ,

Не въ давномъ времени, въ Москвѣ на маскерадѣ ,
Когда на Масленой, въ торжественномъ парадѣ ,
Народъ осмѣивалъ позорныя дѣла.

И словомъ :

Въ своемъ уславѣ новомъ
Велѣлъ, чтобъ всякіе злонаправны чудани ,
Съ приличной надписью, носили колпаки ,
По коимъ въ обществѣ ихъ люди узнавали ,

И прочь отъ нихъ бѣжали.

По общимъ мнѣніямъ уславъ сей былъ не спрогъ

И правился народу ,
Который въ дѣло чтишь не могъ .

Старинную дурную моду ,
Когда людей бросали въ воду ,

Какъ будто рыбій родъ ,
По нѣскольку на всякой годъ .

Овидій, басенной исторіи писатель ,
Который никогда неправды не сказалъ ,

Овидій, общій нашъ и Греческій пріятель ,
Подробно описалъ ,

Какъ казни до сего у Грековъ были часшы :
Преобращенные тогда въ быковъ Церасшы ,

Цекроповъ цѣлый родъ, за злобу и обманъ ,
Во стадо обезьянъ ;

Льщецы, за низость душъ, въ лягушки
Непостоянные въ вершушки ,

Болшливые въ сорокѣ ,
Жестокосердые во мраморный кусокъ ;

Таишаль, Сизифъ и Иксиона,
 За всяку злобу ихъ,
 На вѣчной ссылкѣ у Плутона,
 И множество другихъ,
 Почли бы всѣ себѣ за милость и за ласки,
 Когда бы только Царь,
 Дурную въ свѣтѣ шварь
 Рядя въ дурныя маски,
 Наказывалъ стыдомъ.
 Такая нова власть, безъ всякой строгой казни,
 Держала всѣхъ въ боязни;
 И добрый Царь при томъ
 Друзей изъ доброй воли
 Ошквашъ хлѣба соли,
 Зывалъ въ свой Царской домъ.

О ешьлибъ ты, Гомеръ, проснулся!

Храня твоихъ героевъ честь,

Кошоры, забывая месть,

Любили часто пить и бѣсть,

Тыбъ, слыша стихъ мой, ужаснулся,

Чшо слабый будучи пѣвецъ,

Тебѣ дерзнулъ я, наконецъ,

Подобиться, стиховъ отецъ!

Возможноль изъявишь досшойно

Великолѣпіе пировъ

У Царскихъ Греческихъ Дворовъ,

О коихъ ты писалъ шоль спройно?

Я только лишь могу сказать,

Чшо Царь любилъ себя казать,

Иныхъ хвалишь, иныхъ шазать,
 Побѣсть, попить, и послѣ спать.
 А за такое хлѣбосольство,
 И болѣе за добрый нравъ,
 Отъ всѣхъ сосѣдственныхъ Державъ
 Явилось къ нему посольство.

Особожь онъ тогда былъ славенъ изъ Царей,
 Имѣя въ домѣ трехъ прекрасныхъ дочерей.
 Но солнце въ красотѣ своей
 Когда вселенну освѣщаетъ,
 Луну и звѣзды помрачаетъ:

Подобно такъ была меньшая всѣхъ виднѣй,
 И старшихъ сестръ своихъ достоинства мрачила,
 И розы красоту, и бѣлизну лилей,
 И словомъ: ничего въ подобномъ видѣ ей
 Природа никогда на свѣтѣ не явила.

Искашь приличныхъ словъ
 Къ тому, что въ множествѣ вѣковъ
 Блистало шоль ошмѣнно,
 Напрасно было бы, и былобъ дерзновенно.
 Я шолько лишь скажу: меньшая Царска дочь,
 Отъ коей многіе вздыхали день и ночь,
 У Грековъ пошому Психея называлась,
 Въ языкахъ же другихъ, по толку мудрецовъ,
 Слыла она Душа; при переводѣ словъ,
 У Рускихъ Душенька она именовалась;
 И пишушь, что тогда
 Изыскано не безъ шруда
 Къ названію ея приличнѣйшее слово,
 Какое было ново,

Во славу Душенькѣ у насѣ отѣ тѣхѣ временѣ
 Поспавлено оно народомѣ въ лексиконѣ,
 Между пріятнѣйшихѣ именѣ,
 И ушвердила то любовь въ своемѣ законѣ.

Но часто похвала
 Опаснѣй, чѣмѣ хула.
 Завистный міръ не любитѣ,
 Когда повсюду шрубишѣ
 И рѣжешѣ правду въ слухѣ
 Болтливая богиня Слава.
 Чужая чесшѣ, чужія права
 Завистливыхѣ шерзаюшѣ духѣ.
 Такая, Душенька, была швоя прослуга,
 Когда весь міръ и вся Цишерская округа,
 Ошавя древнее прекрасно божешво,
 Тебя едину обожали
 И всѣ къ тебѣ бѣжали
 Твое умножишѣ шоржешво.
 Соперницы швоей не знала шы печали!

Веселій, смѣховѣ, игрѣ соборѣ
 Бѣжашѣ шолпою изѣ Цишера;
 Оспавлена отѣ всѣхѣ Венера;
 Куда ни обратишѣ свой взорѣ,
 Не видишѣ жершвѣ и оиміамовѣ;
 Жрецы шогда сшадѣ пасли,
 И множество Цишерскихѣ храмовѣ
 Травой и лѣсомѣ поросли;
 Сады Богини сиротѣли,

И домъ являлъ опальный видъ;
 Зефиры изрѣдка свистѣли:
 Казалось ей, свистѣли въ стыдъ.
 Непостоянные Амуры,
 Изъ храма прелетая въ храмъ,
 Къ унылой пустошѣ Нашуры
 Не возмogli привыкнутьъ шамъ.
 Оштуда всѣ лешѣшь хотѣли,
 И всѣ спорхнули, возлешѣли
 За Душенькою въ новый пушь,
 Искать себѣ свободной нѣги,
 Куда Зефиры сшали душъ,
 Куда текли небесны бѣги.
 Оставшихъ малое число,
 Крехтя подъ игомъ колесницы
 Скучающей своей Царицы,
 Вездѣ унылость лишь несло.

Не въ долгомъ времени, по слухамъ самымъ вѣрнымъ,
 Узнала наконецъ Богиня красоты,
 Со гнѣвомъ пребезмѣрнымъ,
 Причину вдругъ себя и скукъ и пустошы.
 Хошь Душенька гнѣвишь не мыслила Венеру,
 Къ достоинствамъ Богинь имѣла должну вѣру,
 И въ поступки своей всегда хранила мѣру:
 Но вскорѣ всѣмъ хуламъ подвержена была.

Пришомъ злорѣчивые духи,
 О ней худые сѣя слухи,
 Кривой давали шолкъ на всѣ ея дѣла;
 И кои милоспей иль ждали, иль просили,
 Во угожденіе Богинѣ доносили,

Что будшо Душенька, въ досаду ей и въ зло,
Присвоила себѣ Цишерскихъ слугъ число;

И что кому угодно,

То каждый говорилъ на Душеньку свободно.

Но чтобы дѣломъ мещь

Надъ нею произвесть,

Собравъ Венера ложь и всяку небылицу,

Велѣла наскоро въ дорожную колесницу

Шестнадцать почтовыхъ Зефировъ заложить;

Пошомъ пустилась въ путь, Амура навѣстить.

Читатель самъ себѣ представитъ то удобно,

Просила ли его иль такъ, или подобно,

Пришедъ на Душеньку просить и доносить:

»Амуръ, Амуръ! вступишь за честь мою и славу,

»Яви свой судъ, яви управу.

»Ты знаешь Душеньку, иль могъ о ней слышать:

»Просшая смертная, ругаяся Богами,

»Не ставитъ ни во что свою безсмертную мать;

»Уже и нашими слугами

»Осмѣлилась повелѣвать,

»И въ обласняхъ моихъ надъ мной торжествовать.

»Могу ли я сносить и видѣть равнодушно,

»Что Душенькѣ одной вездѣ и все послушно?

»За ней гоняся, отъ насъ отходятъ прочь

»Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры,

»И скоро Душенькѣ послушны будутъ міры.

»Юпишерь самъ по ней вздыхаетъ день и ночь,

»И слышно, что беретъ себѣ ее въ супруги,

»Гречанку наглую, едва ли Царску дочь,

»Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги;

- » Какой ты будешь Богъ, и гдѣ твой будетъ тронъ,
 » Когда отъ нихъ другой родится Купидонъ,
 » Который у тебя отыметъ лукъ и стрѣлы,
 » И нагло покоритъ подвласны намъ предѣлы?
 » Ты знаешь, дѣши всѣ Юпитеровы смѣлы:
 » По волѣ ходятъ въ небеса,
 » И всякія швоятъ на свѣтѣ чудеса.
 » И можешь ли терпѣшь, что Душенька собою,
 » Безъ помощи твоей, во всѣхъ вселяетъ страхъ,
 » Какую возжигаетъ одинъ имѣлъ ты власть?
 » Она давно уже смѣется надъ тобою,
 » И ставитъ въ торжество себѣ мою напастъ.
 » За честь свою, за честь Венеры,
 » Яви ты строгости примѣры;
 » Содѣлай Душеньку несчастною во вѣкъ,
 » Чтобы такой на ней женился человѣкъ,
 » Который былъ бы всѣхъ душой и тѣломъ хуже;
 » Чтобы она нашла себѣ ширана во мужъ,
 » И мучилъ бы себя
 » Жестокаго любя;
 » Чтобы краса ея увяла,
 » И чтобы я покойна стала. «—

Амуръ желалъ тогда пресѣчь
 Сію просительную рѣчь.
 Хоша онъ зналъ Венеры свойство
 Всегда соперницъ клеветать,
 Но долженъ былъ привести въ покойство
 Свою озлобленную мать,
 И былъ ей долженъ обѣщать
 За дерзость Душеньку порядкомъ поспращать.

То слыша, вдругъ его Амуры ужаснулись,
Весельи ахнули и смѣхи содрогнулись;
Одна Венера лишь довольна шѣмъ была,
Что глѣвъ на Душеньку отъ сына навлекла:
Назначила отбѣздъ во островъ свой обрашно,
Съ улыбкою на всѣхъ кидая взоръ пріятно,
И въ изъявленіе отмѣнна торжества,
Представила себя во славѣ божества.
Отсшавлена была воздушна колесница,
Которую везла крылашая саница
Съ прохладнымъ роздыхомъ, порозжая назадъ.
Богиня древній свой устроила парадъ,
И, въ раковину сбѣвъ, какъ пишушъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ дельфинахъ.

Амуръ, проспря свой власный взоръ,
 Подвигнулъ весь Непшуновъ Дворъ.
 Узря Венеру, рѣзвы волны
 Текушъ за ней весельемъ полны.
 Тришоновъ водяной народъ
 Выходишъ къ ней изъ бездны водъ;
 Иной вокругъ ея ныряетъ,
 Продерзки волны усмиряетъ;
 Другой, крушась во глубинѣ,
 Жемчугъ ей ищетъ шамъ на днѣ,
 И всѣ сокровища изъ моря
 Тащитъ повергнушъ ей къ сшонамъ;
 Иной, съ чудовищами споря,
 Прешитъ касаться симъ мѣстамъ;
 Другой, на козлы сбѣвъ проворно,
 Со встрѣчными бранишся вздорно,

Раздашься въ стороны велишъ,
 Возжами гордо шевелишъ,
 Отъ камней далъ путь свой правишъ,
 И дерзостныхъ чудовищъ давишъ;
 Иной, съ презубчатымъ жезломъ,
 На кишъ впереди верьхомъ,
 Гоня далече всѣхъ съ дороги,
 Даетъ вездѣ приказы строги,
 И, чѣобы всякъ то вѣдашь могъ,
 Предъ нею громко трубишъ въ роги;
 Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
 Успѣвъ приплыть къ Богинѣ сей,
 Несетъ ошломовъ горъ хрустальныхъ
 Намѣсто зеркала предъ ней.
 Сей видъ пріятность обновляетъ
 И радость на ея челъ:
 О, еслибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
 Остался вѣчно въ хрусталь!
 Но тщешно то Тришонъ желаетъ:
 Изчезнетъ сей призракъ какъ сонъ,
 Останется одинъ лишь камень,
 А въ сердцѣ лишь несчастный пламень,
 Которымъ вшуне шлѣетъ онъ.
 Иной, приславъ къ Богинѣ въ свиту,
 Отъ солища ставитъ ей защиту,
 И прохлаждаетъ жаркой лучъ,
 Пуская къ верьху водный ключъ.
 Сирены, сладнія пѣвицы,
 Мѣжъ шѣмъ поютъ сѣихи ей въ честьъ,
 Мѣщаютъ съ быльми небылицы,
 Ея стараясь превознесъ.

Иныя передъ нею пляшущь,
 Другія во услугахъ шумь,
 Предупреждая всякой шрудь,
 Богиню опахаломъ машущь;
 Другіяжъ красошамъ дивясь,
 Подносящъ ей цвѣточну вязь.
 Сама Феида ихъ послала
 Для малыхъ и большихъ услугъ,
 И только для себя желала,
 Чшобъ дома былъ ея супругъ.
 Въ благопріятнѣйшей погодѣ
 Не смѣющъ бури шамъ приспашъ;
 Одни Зефиры лишь въ свободѣ
 Венеру могушъ лобызашъ.
 Чудеснымъ дѣйствіемъ въ то время,
 Какъ въ вѣяньи пшенично семя,
 Лешашъ обратно бѣглецы,
 Зефиры древни наглецы;
 Иной власы ея взвѣваешъ,
 Межъ тѣмъ, ошкырывъ прелестну грудь,
 Пересшаешъ на время душъ,
 Власы съ досадой опускаешъ,
 И съ ними, спущавшись, лешашъ;
 Другой, невѣдомымъ языкомъ,
 Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ,
 Любовь ей на ухо свисшишъ;
 Иной, пытаясь безъ надежды
 Сорвашъ покровъ другихъ красошъ,
 Въ сердцахъ вершишъ ея одежды,
 И падаетъ безъ силъ средъ водъ;
 Другой въ уста и въ очи дуешъ,

И ихъ украдкою цѣлуешъ.
 Гонясь за нею волны шамъ,
 Толкаюшъ въ ревности другъ друга,
 Чшобъ, вырвавшись скорбѣй изъ круга,
 Смирено пасъ къ ея ногамъ;
 И всѣ въ усердіи Венеру
 Желаютъ провожатъ въ Цицеру.

Не въ долгомъ времени пришла къ Богинѣ вѣсть,
 Которую Зефиръ спѣшилъ скорбѣй принесть,
 Чшо бѣдство Душеньки преходишъ всяку мѣру;
 Чшо Душенька уже оставлена отъ всѣхъ,
 И чшо вздыхашели, какъ будшо ей въ посмѣхъ,
 Отъ всякой встрѣчи съ ней повсюду удалялись;
 Или къ ошцу ея во Дворъ хошя являлись,
 Однако, въ Душеньку ужъ болѣ не влюблялись,
 И къ ней не подходили вблизи,
 А шолько издали ей низко покланялись.

Такой чудесъ пресшранный родъ
 Смушилъ во Греціи народъ.
 Бывали шамъ пошопы, моры,
 Пожары, хлѣба недородъ,
 Войны и внутренни раздоры;
 Но случай сей для всѣхъ былъ новъ.
 Сказашели различныхъ сновъ,
 И вопрошашели Боговъ,
 О шомъ имѣли разны споры.
 Иной предвидѣлъ добрый знакъ;
 Другой сулилъ напасши скоры;
 Иной, напушавъ много врагъ,
 Не сказывалъ ни шакъ, ни сакъ;

Но всѣ согласно утверждали,
 Что чудъ подобныхъ не видали.
 Во Греціи съ начала вѣкъ.
 Просшой народъ тогда въ печали
 Къ Венерѣ вопіять пришекъ:
 За что Судьбы къ народу гибны?

За что вздыхашели бѣжали отъ Царевны?
 Извѣстно, что ея ошмѣнная краса
 Прошивныя шому являла чудеса.
 Венера, наконецъ, рѣшила всѣхъ судьбину:
 Явила Греціи сокрышую причину,
 За что Царева дочь теряешь прежнюю честь;
 И прошивъ ней свою неуголиму мечь;

И съ видомъ грознымъ и суровымъ
 Велѣла сродникамъ Царевны бышь гошовымъ
 Еще къ несчасьямъ новымъ,
 Пока ее они
 Не приведутъ къ ней въ руки,
 На всѣ оставши дни
 Терпѣшь различны муки.

Но Царь и вся родня
 Любили Душеньку безъ мѣры,
 Безъ ней пріятнаго не проводили дня:
 Моглиль предать ее на мщеніе Венеры?
 И всѣ въ единый гласъ
 Богинѣ на отказъ
 Возопіяли смѣло,
 Что то несбыточное дѣло.
 Иные подняли на смѣхъ ея олшарь;
 Другіе сшали горько плакать;

Другіежъ, не дослушавъ, такашь,
 Когда лишь слово скажешь Царь;
 Иные Душенькѣ въ утѣху говорили,
 Что шоль особая вина
 Для ней похвальна и славна,
 Коль люди въ сшѣдѣ Богинь ее богошворили;
 И что Венеры къ ней и ненависть и месць
 Ея умножатъ чесць.

Слова шѣ Душенькѣ хошя пріятны были,
 Но были бы милѣй,
 Когда бы ихъ тогда сказалъ любовникъ ей:

Отъ гордости она скрывала
 Печаль свою при всѣхъ глазахъ,
 Но въ тайнѣ часто унывала,
 Себя несчастной называла,
 И часто, въ горестныхъ слезахъ,
 Къ Амуру вопіяла:

»Амуръ, Амуръ, веселій Богъ!
 »За что ко мнѣ суровъ и строгъ?
 »Давно ли всѣ меня искали?
 »Давно ли всѣ меня ласкали?
 »Въ побѣдахъ я вела часы,
 »Могла плѣнять, любить по волѣ;
 »За что теперь въ несчастной долѣ?
 »Къ чему полезны мнѣ красы?
 »Бѣднѣйшая въ поляхъ паслушка
 »Себѣ имѣешь паслуха:
 »Одна лишь я ни съ кѣмъ не дружка,
 »Не бывъ дурна, не бывъ лиха!

»Одной ли мнѣ любить зазорно?

»Но есѣли счастье шоль упорно,

»И такъ судили Небеса,

»Поди ты, Душенька, въ лѣса,

»Бѣги, бѣги людей ошѣ нынѣ,

»И лучше ты живи въ пустынѣ!»

Межѣ тѣмъ, какъ Душенька, тая свою печаль,
Ошѣ всѣхъ своихъ родныхъ уйти сбиралась въ даль,
Они тогда о ней не менѣ крушились,
И сами ей вездѣ искали жениховъ;

Но всюду женихи спрашились

Гнѣвишь Венеру и Боговъ,

Которы видимо прошиву согласились.

Никто на Душенькѣ жениться не хотѣлъ,

Или никто не смѣлъ.

Впослѣдокъ сродники, совѣтовавъ, рѣшились

Спросить Оракула о будущихъ судьбахъ.

Оракулъ далъ отвѣтъ, въ порядочныхъ стихахъ,

А къ нимъ жрецы-пророки

Прибавили еще свои для шолку строки;

Ошѣтъ же былъ пришомъ не менѣ безшолковъ,

И слово въ слово былъ таковъ:

»Супругъ для Душеньки назначенный Судьбами,

»Есть чудо съ крыльями, которо всѣхъ язвишь,

»Смущаешь области и часто ихъ крушишь,

»Всегда грызешь сердца, питаешься слезами,

»Всегда оружіе имѣешь на плечахъ,

»Стрѣляешь, ранишь, жжешь, оковы налагаешь,

»Коль хочешь: на землѣ, коль хочешь: въ небесахъ,

»И самый Спиксѣ ему пушей не преграждаетъ.
 »Судьбы и Боги всѣ, опредѣляя такъ,
 »Сыскашь къ супругу пушь даюшь особый знакъ:
 »Царевну пушь ведутъ на самую вершину
 »Горы, которая не видима ошсель,
 »И выше всѣхъ стоишь за шридевять земель,
 »А тамъ ее одну оставяшь на судьбину,
 »На радость и на скорбь, на жизнь и на кончину.»

Ошвѣтъ сей сродниковъ въ сомнѣніе привелъ,
 И неописанный въ нихъ ужасъ произвелъ.

О, праведные Боги!

Возможноль, чшобы вы шoliko были спроги?

И ешъли въ томъ какая сшашъ,
 Чшобъ Душеньку на вѣкъ чудовищу ошдашь,
 Къ кошорому никшо не вѣдаешъ дороги?
 Родные тако всѣ гласили во слезахъ;

И кои знали всяки сказки,
 Предсшавили себѣ чудовищъ злыхъ привязки;
 И люшой смерти спрахъ,
 Иль въ лапахъ, иль зубахъ,
 Гдѣ жишь ей будешъ шѣсно.

Ошъ нянекъ было имъ давно не безъизвѣстно
 О сущесшвѣ шакихъ и змѣевъ и духовъ,
 Кошоры широко горшани разбѣваюшь,
 И чшо пришомъ у нихъ видаюшь
 И семь головъ, и семь роговъ,
 И семь, иль болѣе хвостовъ.

Ошъ разныхъ спраховъ сихъ родные возмущались;
 Пошомъ, безъ дальныхъ словъ,
 Завыли множесшвомъ различныхъ голосовъ;

Царевну проводишь до мѣста общались,
И съ нею навсегда заранѣ прощались.

Не знали только, гдѣ высокая гора,
Къ кошорой Душеньку оширавишь надлежало;
Оракулъ не сказалъ, или сказалъ, да мало;
Въ кошорой сторонѣ? Далечель отъ двора?

Въ какую шамъ явиться пору?

И какъ зовушь такую гору?

Синай, или Ливанъ, иль Тавръ, или Кавказъ?

И кои въ Душенькѣ высокой разумъ чшили,

Догадываясь, мнили,

Чшо должно бхать съ ней имъ прямо на Парнасъ ;

Извѣстно было имъ, чшо нѣкошоры Музы

Имѣли съ ней союзы;

Чшо Душенька отъ нихъ училась пѣсни пѣшь,

И таинство красотъ Парнаскихъ разумѣшь;

Но тѣ, кошорые Историю чшили,

Противу предлагали,

Чшо Музы изшари проводятъ въ дѣвствѣ вѣвѣ,

И никакой туда не ходишь человекъ,

Чшо шамъ не лзя найши ей мужа,

Къ томужъ отъ Сѣвера бываетъ часшо сшужа,

И у Каспальскихъ водъ,

Хошя мѣста тѣ свяшы,

Нерѣдко замерзалъ народъ.

Иные, изобравъ жарчайшіе климаты,

Хошѣли Душеньку во Африку везши,

Гдѣ змѣи люшыя въ чесши;

Пришомъ, послѣдую Оракулову гласу,

Иные думали везши ее къ Ашласу,

Узнавъ, что та гора, касаяся небесъ,
Издревле множествомъ прославилась чудесъ;

И мнили, что по сей примѣшъ,
Оракулъ точно такъ сказалъ въ своемъ отвѣшъ.
Но люди смѣлые изъ плачущей родни
Предсказали, храня ея цѣлующи дни,
Что змѣи шамъ легко Царевну могутъ скушать,
Что въ томъ Оракула никакъ не должно слушать;
И громко вся родня, безъ дальняго суда,
Воскликнула тогда,
Что Душенька отнюдь изъ дома не поѣдитъ,
И что Оракулъ бредитъ.

Въ Совѣшъ, наконецъ,
Родня Царевнина и Царь, ея отецъ,
Желали лучше всѣ, Боговъ прошиваясь власти,
Терпѣшь гоненія и всякія напасши,
Чѣмъ Душеньку везши
На жершву безъ пуши;
Но Душенька сама была великодушна,
Сама Оракулу хотѣла быть послушна.
Иль можешъ быть и такъ, чтобъ мнѣ не обманушь,
На свѣшъ сскупивъ безъ супруга,
Искала, наконецъ, себѣ такого друга,
Ктобъ ни былъ, гдѣ нибудь.
А чтобъ видна была роднѣ ея услуга,
»Живите въ щасшіи — она сказала имъ —
»Я васъ должна спасти несчасшіемъ моимъ,
»Пускай свершается Боговъ безсмертныхъ воля,
»И ешъли я умру: моя такая доля.»

Межъ тѣмъ, какъ Душенька вѣщала такъ ошу,

Совѣтъ пустился плакать снова;

Никто отъ горести не могъ промолвить слова,

И слезы шутъ у всѣхъ напились по лицу:

Но въ горестнѣйшемъ плачѣ

Никто съ Царицею сравниться не возмогъ:

Она пускала стоны и жалобы всѣхъ паче;

То, память потерявъ, валялась часто съ ногъ;

То въ горести, теряя мѣру,

Ругала всячески Венеру:

Иль, крѣпко въ руки ухващая

Свое любезное дитя,

Кричала громко предъ народомъ,

И всѣмъ своимъ клялася родомъ

Доколь она жива,

Не сставишь ни вочто Оракула слова;

И что ни для какого чуда

Не пустишь дочери ошшуда.

Но хоть кричала то во всю большую мочь,

Однако, вопреки Амуръ, Судьбы и Боги,

Оракулъ и жрецы, родня, отецъ и дочь,

Велѣли сухари гошовить для дороги.

Во время оныхъ лѣтъ

Оракулъ въ Греціи столь много почишался,

Что каждый исполнять слова его старался,

И самъ искалъ себѣ предназначенныхъ бѣдъ,

Дабы сбывалось то неложно,

Что только предскажешь возможно.

Царевна оставляетъ градъ;

Въ дорогу сказанъ былъ нарядъ.

Куда? Отъ всѣхъ то было тайно.

Царевна, наконецъ, умома

Рѣшила неизвѣстность въ шомъ,

Какъ всѣ дѣла своимъ судомъ

Она рѣшила обычно:

Сказала всей роднѣ своей,

Чтобъ только въ пушь ее прилично снарядили,

И въ колесницу посадили,

Безъ кучера и безъ вожжей,

Пустя по волѣ лошадей:

»Судьба, сказала, будешь править,

»Судьба, конечно, приведетъ,

»На мѣсто щасія иль бѣды,

»Гдѣ должно вамъ меня оставишь.»

По шаковымъ ея словамъ,

Недолги были сборы шамъ.

Гошова колесница,

Садится Царска дочь и съ нею мать Царица,

Котора Душеньку, не могли удержать,

Желаетъ провожать.

Тронулись лошади, не ждавъ себѣ уряда;

Везутъ безъ поводовъ,

Везутъ съ двора, везутъ изъ града,

И, наконецъ, везутъ изъ крайнихъ городовъ.

Въ сей пушь, корешкій или дальный,

Устроены были Царемъ порядки погребальный:

Шестнадцать человекъ несли вокругъ свѣчи

При самомъ свѣтѣ дня, подобно какъ въ ночи;

Шестнадцать человекъ, съ печальною музыкой,

Унылой пѣли стихъ въ протяжности великой;

Шестнадцать человѣкъ, немного шѣхъ позадь,
 Несли хрустальную кровашь,
 Въ кошорой Душенька любила почивашь;
 Шестнадцать человѣкъ, поклавши на подушки
 Несли Царевнины шамбуры и конюшки,
 Кошоры клала шамъ сама Царица мать,
 Дорожный шуалетъ, гребенки и булавы,
 И всякія въ тому пошребныя прибавки;
 Потомъ, въ парадъ шелъ жрецовъ усасныхъ полкъ,
 Стихи Оракула неся передъ собою;
 Тутъ всякъ изъ нихъ стихамъ давалъ различный шолъ,
 И всякъ желалъ при томъ скорѣй дойти къ покою;
 За ними шелъ сигклишъ, и всякъ высокій чинъ;
 Впослѣдокъ ѣхала печальна колесница,
 Въ кошорой съ дочерью сидѣла мать Царица.
 У ногъ ея сшоялъ серебряный кувшинъ:
 То былъ плачевный урнъ, какой сшаринны Греки
 Давали въ даръ, когда прощались съ кѣмъ на вѣки.
 Ощецъ со ближними у колесницы шелъ,
 Боговъ прося о всякомъ благѣ,
 И предавая Судьбамъ расправу Царскихъ дѣлъ,
 Свободно на пуши вздыхалъ при каждомъ шагѣ.
 Взирая на Царя, отъ всѣхъ сторонъ народъ
 Толпился близко колесницы,
 И наждый до своей границы
 Съ Царевной шелъ въ походъ.
 Иные хлипали, другіе громко выли;
 Не вѣдая, куда везутъ и дочь и мать;
 Другіе же, по виду, мнили,
 Что Душеньку везутъ живую погребать;
 Иные по пуши сорили

Предъ нею вѣшви и цвѣшты :
 Другіе въ честь ей гимны пѣли ,
 Прилично слава красоты ,
 Какія въ первый разъ узрѣли
 И, возвращаясь въ домъ ,
 За диво возвѣщали ;
 Другіежъ божествомъ
 Царевну называли.
 Вошше жрецы кричали ,
 Что та Царевнѣ честь
 Прогнѣваетъ Венеру ,
 И, слѣдуя манеру ,
 Толчкомъ, и какъ ищешь ,
 Хотѣли прочь ошвесъ
 Народъ отъ сей напаси ;
 Но всѣ, прошиву власши ,
 Забывъ Венеры вредъ
 И всю возможность бѣдъ ,
 Толпами шли насильно
 За Душенькою въ слѣдъ
 Усердно и умильно.

Уже , чрезъ нѣсколько недѣль ,
 Пробѣхали они за придевять земель ,
 Но въ нихъ ни одного пригоря не видали ;
 И кои болѣе услали ,
 Со всякой бранью возропшали ,
 Что шли куда, не знали.
 Впослѣдокъ бѣдучи пушемъ и вдоль и вкругъ ,
 Къ одной горѣ они лишь только подступили ,
 Тамъ сами лошади осшановились вдругъ

И далѣе не шли, сколь много ихъ ни били.
 Тогда шамъ всѣ Судебъ признаки находили,
 Признаки тѣ жрецы согласно подтвердили,
 И всѣ сказали вдругъ, что должно точно шамъ,
 На высотѣ горы, Оракуловымъ словомъ,
 Оставишь Душеньку у неба подъ покровомъ.
 Вручаютъ всѣ ее хранителямъ Богамъ,
 Ведутъ на высоту по камнямъ и пескамъ,

Гдѣ знака нѣтъ дороги,
 Едва подвемля вверхъ свои усшалы ноги,
 Чрезъ камни, чрезъ бугры, и чрезъ глубоки рвы,

Гдѣ нѣтъ ни лѣсу, ни травы,
 Гдѣ алчные рыкаютъ львы;
 И хоть жрецы людей къ отвагѣ
 Увѣщевали въ сихъ мѣстахъ,

Тамъ всѣ при каждомъ шагѣ,
 Встрѣчали новой страхъ:
 Ужасныя пещеры,
 И къ верху крутизны,
 И къ безднѣ глубины,
 Безъ вида и безъ мѣры.

Инымъ шамъ видѣлись Мегеры,
 Инымъ лешучи Дромадеры,
 Инымъ Драконы и Церберы,
 Кошоры ревами, на разные манеры,
 Глушили слухъ,
 Мушили духъ.

Но царь и дочь пошли, и свиха въ слѣдъ пустилась;
 Осталась на пуши одна Царица мать,
 Не могли далѣе шагашъ,
 И съ Душенькой на вѣкъ, поплававъ, шамъ простилась.
 Хрустальная кровашъ

Въ рукахъ несущихъ сокрушилась;
 И многіе отъ страха шумѣ,
 Имѣя многой шрудѣ,
 Не мало шапокъ пороняли,
 Кошоры шамѣ Драконы жрали.
 Иные по кустамъ одежды изорвали,
 И, нагошы имѣя видѣ,
 Едва морли прикрышь отъ глазъ спороннихъ стыдѣ.
 Осталось, наконецъ, лишь нѣсколько булавокъ,
 И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.
 Но можноль описать перомъ
 Царя тогда съ его Дворомъ,
 Когда на верхъ горы съ Царевной всѣ явились?
 Чисташель самъ себѣ представилъ по умомъ.
 Я только лишь скажу, что съ нею всѣ просились;
 И напоследокъ Царь, согнушый скорбью въ крюкъ,
 Насильно вырванъ былъ у дочери изъ рукъ.
 Тогда и дневное свѣшило,
 Смотря на горестъ сихъ разлукъ,
 Казалось, будто сократило
 Обыкновенный въ мірѣ кругъ,
 И въ воды спрясашься спѣшило.
 Тогда и ночь,
 Одну увидѣвъ Царску дочь,
 Покрылась чернымъ покрываломъ,
 И томнѣйшимъ лучемъ, едва свѣщащихъ звѣздъ,
 Ошкрыла въ мрачности весь ужасъ оныхъ мѣстъ,
 Тогда и Царь скорѣй предпринялъ свой отбѣздъ,
 Не вѣдая конца за шоль слѣпымъ началомъ.

К О Н Е Ц Ъ П Е Р В О Й К Н И Г И.

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Но гдѣ возьму чершы
Представишь страхъ, какой являла вся Природа,
Увидѣвъ Душеньку въ пространствѣ темношы,
Оставшу безъ отца, безъ матери, безъ рода,
И словомъ: вовсе безъ людей,
Между Драконовъ и звѣрей?
Тутъ все, что Царска дочь отъ нянюшекъ слыхала,
Или что въ повѣстяхъ ужаснѣйшихъ читала,
Представилось ей смущенному уму.
Спрашилище Духовъ, волшебные призраки,
Различныхъ таймъ смершей являли ей признаки,
И мрачной ночи сей усугубляли тьму.
Но Душенька едва свои уста открыла,
Печальну жалобу на небо произнесъ,
Помчалась къ небу вдругъ, куда, никто не вѣсть:
Безъ крылъ несла ее невидимая сила;
И Царское дитя
Едва не обмерло, по воздуху летя.

Невидимый Зефиръ, воздушный Нимфъ носитель,
Который былъ ей и спутникъ и хранитель,

Увидѣвъ рѣдкую красоту,

Запомнилъ Душеньку увѣдомишь сначала,

Какая власть его послала

Ее восхищать въ высоту;

Всѣ мысли устремилъ къ неслыханному диву,

И виѣ себя взвѣвалъ ей плащье налещу.

Но видя, наконецъ, онъ Душеньку чуть живу,

Пріятнымъ голосомъ сей страхъ ей пресѣкъ,

Сказалъ ей съ тихостью, приличною Зефиру,

Что онъ несетъ ее къ блаженнѣйшему міру,

Къ супругу, коего Оракулъ ей прорекъ;

Что сей супругъ давно вздыхаетъ безъ супруги,

Что къ ней Зефировъ полкъ назначенъ во услуги;

Далъ вѣдать о себѣ, ошкоть и кто таковъ,

И множество при томъ сказалъ ей лестныхъ словъ.

Амуры, вокругъ леща, тѣ рѣчи подшвердили,

И Душеньку тогда отъ страха свободили.

Чрезъ нѣсколько минутъ Зефиръ ее вознесъ

Къ селенію нѣкому межъ облакъ и небесъ,

Поставилъ средь двора: и вдругъ ошкоть исчезъ.

Тутъ взорамъ Душеньки открылась шьма чудесъ:

Сквозь рощу миртовыхъ и пальмовыхъ древесъ

Великолѣпные представились чертоги,

Блещащія среди безчисленныхъ огней,

И розами вездѣ усыпанны дороги:

Но розы блѣдный видъ являютъ передъ ней;

Невиданной работы

Агашныя ворошы

Съ чешырехъ всѣхъ сторонъ;

Сафирные столбы, изъ яхонта баллонъ,
 Злашые куполы и стѣны изумрудны,
 Просшому смертному должны казаться чудны;
 Единымъ лишь Богамъ сіи дѣла нешрудны.
 Таковъ былъ первый видъ, чишашель, примѣчай,
 Для Душеньки, когда изъ мрачнѣйшей пустыни
 Она, во образъ лешащей вверхъ Богини,
 Нечаянно внеслась въ устроенный ей рай.
 Въ надеждѣ на Боговъ, съ щасливымъ толь признакомъ,

Едва она ступила разъ,

Бѣгутъ на встрѣчу къ ней потчасъ

Изъ дома сорокъ Нимфъ въ нарядѣ одинакомъ.

Имъ Душенькинъ приходъ приказано сшечъ,

И сшаршая изъ нихъ, съ пренизкимъ ей поклономъ,

Отъ имени подругъ, почшительнѣйшимъ пономъ,

Сказала должную привѣстшвенную рѣчь.

Лѣсныя жишели, своимъ огромнымъ хоромъ,

Потомъ пропѣли раза два

Отъ Нимфъ ей сказанны похвальныя слова,

И къ ней служить лешашъ Амуры всѣмъ соборомъ.

Царевна ласково, на каждую ей чешъ,

Отвѣстшвовала всѣмъ, по знакомъ, по словами.

Зефиры въ шѣсношъ, толкаясь головами,

Хотѣли въ домъ ее привешъ, или принесъ:

Но Душенька имъ всѣмъ велѣла бытъ въ покоѣ,

И къ дому шла сама среди различныхъ слугъ,

И Смѣховъ и Ушѣхъ, лешающихъ вокругъ.

Чишашель! такъ видалъ ты машку въ пчельномъ роѣ,

Когда юнѣйшій родъ, оставя сшарыхъ пчелъ,

Буншуетъ, рѣзвится, журчитъ и вдаль лешаетъ,

Но за Царицею, котору почитаетъ,
Смиряясь, лешитъ на новый свой удѣлъ.

Царевна, посреди сихъ почестей ошмѣнныхъ,
Не знала, духъ ли былъ, иль просто человекъ,
Обѣщанный супругъ, властитель мѣстъ блаженныхъ,
Котораго предъ симъ Зефиръ, въ словахъ смятенныхъ,
Ей только предвѣстилъ, но прямо не нарекъ.
Вступая въ домъ, она супруга зрѣть желала,
И съ нешерпѣніемъ служащихъ вопрошала;
Но вся сія толпа, котора съ нею шла,
Или вокругъ лeshала,
Увѣдомишь ее подробнѣй не могла,
И Душенька о немъ въ незнаніи была.
Межъ тѣмъ она прошла крыльцовыя сшепени,
И введена была въ пространнѣйшія сѣни,
Ошколь во всѣ края, сивозъ множество дверей,
Ошкрылся передъ ней
Прекрасный видъ алей,
И рощей и полей;
И болѣе, пошомъ, высокіе балконы
Ошкрыли царство шамъ и Флоры и Помоны;
Царевна райскіе увидѣла сады,
И прежніе свои забыла всѣ шруды.
Ошшуда сорокъ Нимфъ вели ее въ чершогы,
Какіе созидашъ лишь шолько могутъ Боги,
И шамо Душеньку, къ прохладѣ ошъ дороги,
Въ гошовую для ней купальню привели;
Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Котору вмѣсто водъ повсюду собирали;
Зефиры воздухъ шамъ дыханьемъ согрѣвали,

Изъ разныхъ ароматъ вздували пузыри,

И благовонныя рабошали ей мылы,

Какими моюшся воспочные Цари,

Для ибкакой въ нихъ силы.

Царевна въ оный часъ, хоша и со сшыдомъ,

Со споромъ и трудомъ,

Какъ водится пришомъ,

Взирая на обновы,

Какія были шамъ гошovy,

Дозволила сложишь съ красомъ своихъ покровы;

Но слугъ различныхъ полкъ, предъ шбмъ отдавъ поклонъ,

Былъ долженъ выйши ванъ.

Амуры за дверьми, не бывъ при ней въ услугъ,

Тогда лишь слбдъ ея лобзали на досугъ.

Зефирыжъ хищные, имбѣ входъ вездъ,

Зашбмъ, что росшомъ мелки,

У оконъ и дверей нашли малбйши щелки,

Прокрались между Нимфъ и спряшались въ водъ,

Гдѣ Царска дочь купалась:

Она предъ ними шамъ во всей красѣ являлась,

Иль паче нмъ касалась;

Но Душенька о шомъ никакъ не догадалась.

Зефиры, коихъ я счастливбйшими чшу!

Вы шамо видбѣли Царевны красошу;

Зефиры! вы меня какъ должно научите

Сказашъ чишашелямъ, иль сами вы скажите,

Всѣ часши, всѣ чершы,

И всѣ пріятности Царевнины подробно,

Которыхъ разуму представить неудобно;

Вы видбѣли шогда не сонъ и не мечшы. . .

Молчанье ваше разумю:
 Къ изображенію божественныхъ даровъ
 Потребенъ вамъ и мнѣ особый даръ Боговъ;
 Я Душеньки красотъ описывать не смѣю.

Царевна вышедши изъ бани, наконецъ,
 Съ улыбкою свои раскидывала взгляды
 На изгошовленны ей плашья и наряды
 И нѣнакой вѣнецъ.

Ее одѣли шамъ, какъ Царскую особу,
 Въ богатѣйшую робу.

Нешрудно разумѣть, что для ея услугъ
 Горстями сыпались каменья и жемчугъ,
 И всяки рѣдкости невидимая сила,
 По слову Душеньки, мгновенно приносила;
 Иль лучше, такъ сказать, то мысль ея шворила,
 Коль вещи съ мыслями предъ ней являлись вдругъ.
 Цѣняясь своимъ прекраснѣйшимъ нарядомъ,
 Желаетъ ли она смощрѣться въ зеркала:
 Онѣ раждаются ея единымъ взглядомъ,
 И по сѣбнамъ стояшъ предъ ней великимъ рядомъ,
 Дабы краса ея удвоена была.

Увидѣвъ шамъ себя, лицомъ, плечемъ и задомъ,

Отъ головы до ногъ,
 Легко могла судить Царевна на досугъ

О будущемъ супругъ,
 Чшо онѣ, какъ видно, былъ гораздо не убогъ.

Межъ шѣмъ, къ ея услугъ,
 Въ ближайшей залѣ былъ къ обѣду столъ гошовъ.

Тамъ бѣшвы и напишки
 Являли всѣхъ сластей довольство и избышки.

Тамб некшарь всѣхъ родовъ,
 И все, что для Боговъ,
 Въ роскошнѣйшемъ жилищѣ,
 Могло служить къ ихъ пищѣ,
 Стояло передъ ней во множествѣ рядовъ.
 Та пища красоты и силы придавала,
 И Душенька шруды, покушавъ, забывала.
 Амуры, чшобъ припомъ ей ревность избъявишь,
 Хозяйски должности старались раздѣлишь:
 Иной былъ кравчимъ шамъ, другой носилъ посуду,
 Иль рюмки наливалъ, и всякъ совался всюду;
 И шомъ считалъ себѣ за превысоку честь,
 Кому, изъ рукъ своихъ, ихъ новая Богиня
 Полрюмки некшару изволила иоднести,
 И многіе предъ ней стояли рошъ разиня;
 Хошя Амуры въ шомъ,
 По правдѣ, жадными ошнюдь не почишались,
 И болѣ, нежели виномъ,
 Царевны зрѣніемъ единымъ услаждались;
 Межъ тѣмъ надъ ней съ верховъ,
 Въ чертогахъ безпечальныхъ,
 Раздался сладкой звукъ орудій музыкальныхъ,
 И пѣсенъ ей похвальныхъ,
 Какія сочиняшь лишь можешъ Богъ стиховъ.
 Вначалѣ райскія шамъ собранны пѣвицы
 Воспѣли красоту сей новой ихъ Царицы.
 Чишашель знаешъ самъ, пріятналь ей была
 Такая похвала;
 Но впрочемъ Душенька рѣшишся не могла,
 Пріятшволь голосовъ, достоиншволь скрышцы,

Согласіе ли арфѣ, иль флейшу предпочесть:

Онѣ имѣли всѣ въ искусствѣ равну честь,

И всѣ исполнены единымъ были духомъ,

Чѣмъ Душенька въ раю

Познала часть свою

Прикосновеніемъ, усшами, окомъ, слухомъ,

Коль можно почишашъ за правду всѣ слова,

У Грековъ есть молва,

Чѣмъ будто бы въ сему торжественному хору

Нарочно сысканы Орфей и Амфіонъ,

И будто, въ Душеньку влюбся, по разбору

Игралъ и правилъ шамъ оркестромъ Аполлонъ.

Впослѣдокъ хоръ пѣвицъ, протяжистымъ манеромъ,

Съ приличнымъ ибѣнакимъ размѣромъ,

Воспѣвъ стихи, возвысивъ щонъ,

Толь медленно, толь вняшно,

И содержаніе ихъ было толь пріятно,

Чѣмъ Душенька легко слова переняла,

Легко упомяшь ихъ могла,

И скоро зашвердила,

И послѣ по всему ихъ дому распустила.

Пошомъ нескромные Зефиры разнесли

Сстихи сіи ошщоль по всѣмъ концамъ земли;

Впослѣдокъ шаковы и въ намъ они дошли:

»Любови всѣ сердца подвластны;

»И сами Боги чшущъ законъ,

»Какой усшавилъ Купидонъ,

»Чѣмъ были всѣ ему причастны.

»Познай, красавица, любовь:

»Ты щастіе познаешь вновь. «

Та пѣсня многожды предъ Душенькой пропѣша,
И пѣли, наконецъ, Царевнѣ много лѣша;
Пошомъ одна изъ Нимфъ къ ней вышла доложишь,
Что время было опочить.

При словѣ опочить, Царевна покраснѣла,
И какъ невѣста оробѣла;
Однако, споришь не хотѣла.

Раздѣша Душенька, ведутъ ее въ чертогъ,
И шамъ, ко всякому покою отъ дорогъ,
Кладутъ ее въ постель, на нѣкоемъ престола,
И, поклонившись ей, уходятъ всѣ отъ толъ.
Обѣщанный супругъ, чрезъ нѣсколько минутъ,
Въ невидимомъ лицѣ тогда явился тутъ.
А ещѣли спросятъ, какъ невидимый явился,
Нешрудно отвѣчашъ: явился онъ въ пошмахъ;
Онъ былъ въ обѣщаніяхъ, но не былъ онъ въ очахъ,
Какъ духъ или колдунъ онъ былъ, но не открылся.

Никто не вѣдаешъ, ни что сказалъ женихъ,
Ни что они пошомъ другъ съ другомъ говорили,
Ни о подробностяхъ, при томъ какія были;
На вѣки тайна та осталась между ихъ.
Но только поутру примѣшили Амуры,
Что Нимфы межъ собой смѣялись подшишкомъ;
И гостья, будучи сшydлива отъ нашуры,
Казалась между ихъ съ завѣшеннымъ ушкомъ.

Супружество могло бышь впрочемъ ей пріятно,
Лишь только таинство въ немъ было непонятно;
Супругъ у Душеньки, сказать, и былъ и нѣтъ:

Пріѣхалъ ночью къ ней, уѣхалъ до разсвѣта,

Безъ имени, безъ лѣтъ,

Безъ росы, безъ примѣтъ;

И вмѣсто должнаго ошвѣта,

Скрывая кто онъ былъ, на Душенькинъ вопросъ,

Просилъ, увѣщевалъ, для нѣкакихъ ей грозъ,

Чтобъ видѣть до поры супруга не желала;

И Душенька не знала,

Съ какимъ чудовищемъ, иль Богомъ ночевала;

Не слыхавъ былъ шоль тайный бракъ.

Царевна, думая о томъ и такъ и сякъ,

Развязку тайны сей въ Оракулъ искала;

Оракулъ ей давно супруга описалъ

Спрашилищемъ ужаснымъ:

Супругъ съ Оракуломъ казался бышь согласнымъ,

Какъ будто онъ себя за тѣмъ и не казалъ.

Хотя же Душенька инако разумѣла,

Касавшись до супружня тѣла,

И изъ его припомъ пріятнѣйшихъ рѣчей,

Что будто не былъ онъ спрашилище очей:

Но такъ Оракулъ рекъ, и такъ вѣщали Боги,

Что сей супругъ ея наноситъ всюду страхъ;

И ежели то такъ, что онъ имѣетъ роги,

Или звѣрины ноги,

Иль когти на рукахъ,

Иль гнусную фигуру,

Такъ лучше Душенькѣ уroda такова,

Кошорой всю спрашивъ Нашуру,
Не видѣшь и не знаешь, пока она жива.

Въ сомнѣнномъ семъ ея удѣлѣ
Скрывалася ночная тѣнь,
И Душенька, межъ тѣмъ, въ постелѣ,
Не зная какъ рѣшить о дѣлѣ,
Увидѣла, что былъ ужъ день.
Но день сей могъ ли тамъ забавить
Смущенную Цареву дочь,
Кошорая минувшу ночь
Въ забвеньи не могла оставить?
Она желала дня конца,
И съ нешерѣнїемъ ждала обратнo ночи:
Тутъ снова сонъ закрылъ ея прекрасны очи,
Пошомъ, лещаючи вокругъ ея лица,
Явилъ супруга ей, со всею красою,
Со стройствомъ, нѣжностью, дородствомъ, бѣлизною,
Съ румянцемъ краше багреца;
То, словомъ, образъ былъ младаго Аполлона,
Иль, можно такъ сказать, прекрасна Купидона,
Въ осьмнадцать лѣтъ, иль такъ почти,
Что былъ онъ близко двадцати,
И былъ во всей красѣ и славѣ.
Царевна въ ономъ снѣ, обмануша мечшой,
Супруга чаешъ видѣшь въ явѣ,
Хвашаешъ тѣнь, кричишь: посшой!
Дай зрѣшь себя, любезный мой!
Призракъ въ восторгъ ее приводитъ:
Но сей призракъ отъ ней уходитъ,
Какъ будшобъ удалялся онъ.

Она зоветъ, бѣжитъ, и бѣглеца хватаетъ:

Сіе движеніе впослѣдокъ прерываетъ

Ея невѣрный сонъ;

И Душенька въ рукахъ, проснувшись ощущаетъ,

Намѣсто бѣглеца, свой спальный напшонъ.

Быть можетъ, что тогда супругъ сокрывшись тамо,

Вблизи подслушивалъ ея любовный бредъ;

Но рокъ свиданію противился упрямо:

Супруга своего она лишь зрѣла слѣдъ,

Лишь только было ей тогда узнатьъ возможно,

Что онъ гостилъ у ней неложно,

Что онъ, ушедъ отъ ней, оставилъ ей любовь,

Что Душенька тогда любовью сей пылала;

Но щещно зрѣть его желала,

И въ прежни мысли вверглась вновь.

Услужный сонъ, кружась надъ нею съ тишиною,

Спокоилъ мысль ея пріятною мечтою,

Въ другой, какъ въ первый разъ.

Не знаю, долго ли мечта сія продлилась,

Но Душенька отъ сна не прежде пробудилась,

Какъ полдень ужъ прошелъ, и послѣ полдня часъ.

Тогда служащія дѣвицы всѣмъ соборомъ,

Царевну вновь одѣть пришли

И сорокъ плащевъ принесли

Со всѣмъ къ тому приборомъ;

Въ сей день она себѣ назначила нарядъ,

Который былъ простѣ,

Затѣмъ, что Душенька сѣшила поскорѣ

Увидѣть рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ.

Я, Душенькину въ томъ послѣдую ушау,
 Сей домъ представишь поспѣшу,
 И все подробно опишу,
 Что только лишь могло ей дѣлать тамъ забаву.

Вначалѣ Душенька по комнатамъ пошла,
 И не оставила, тамъ бѣгая, угла,
 Въ кошоромъ бы она на часъ не побывала:
 Ошшуда въ бельведерѣ, ошшуда на балконѣ,
 Ошшуда на крыльцо, ошшуда внизъ и вонъ,
 Чтобъ видѣть домъ со всѣхъ сторонъ.
 Толпа дѣвицъ за ней бѣжать не успѣвала,
 Одни Зефиры лишь ей слѣдовать могли,
 И Душеньку вездѣ, какъ должно, берегли,
 Чтобъ какъ ни есть она, бѣжавши, не упала.

Она смотрѣла раза три
 Сей домъ снаружи и внутри.
 Межъ тѣмъ Зефиры и Амуры
 Назали ей Архитектуры,
 И всяки рѣдкости Нашуры,
 Кошоры Душенька, осматривая вкругъ,
 Желала видѣть вдругъ,
 И что смотрѣшь, не знала:
 Едина отъ другой смотрѣнье отвлекала;
 И Душенькабъ еще пошла по всѣмъ мѣстамъ,
 Когдабъ отъ бѣгу тамъ,
 Впослѣдокъ, не устала.

Для отдыха она на время отъ трудовъ,
 Смотрѣла сташуи славнѣйшихъ мастеровъ:

То были образы красавицъ безподобныхъ ,
 Кошорыхъ имена и въ прозѣ и въ стихахъ ,
 Въ различныхъ повѣстяхъ и крашнихъ и подробныхъ ,
 Безсмертно царсвуютъ, какъ память ихъ въ умахъ .
 Калисто, Дафнія, Армида, Ніобея ,
 Елена, Граціи, Ангелика, Фриней ,
 И множество другихъ Богинь и смертныхъ женъ ,

Очамъ являясь живо ,
 Во всей красѣ, на диво
 Стояли тамъ у стѣнъ.

Но посреди ихъ въ началѣ ,
 На нѣкомъ вышшемъ пьедесталѣ ,
 Тамъ образъ Душенькинъ стоялъ ,
 И паче красошой другіе унижалъ .

Смотря на образъ свой она сама дивилась ,

И, видѣ себя, остановилась :

Другая сшашуя въ ней видѣлась тогда ,
 Какой никшо пошомъ не видѣла никогда .

Тутъ долгобъ Душенька осмалась

Смотрѣшь на образъ сей ,

Кошорымъ обольщалась :

Но слуги бывшіе при ней ,

Для новой глазъ ея забавы ,

Въ другихъ мѣстахъ назвали ей

Другіе образы красошъ ея и славы :

До пояса , до ногъ, въ весь ростъ до самыхъ пятъ ,

Изъ злаша, изъ серебра, изъ бронзы, иль изъ сшали ,

И головы ея, и бюшны, и медали ;

А индѣ мозаикъ, иль мраморъ, иль агашъ ,

Въ сихъ видахъ новую безцѣнность представляли .

Въ иныхъ мѣстахъ Апеллѣ, иль живописи Богѣ,
 Кошорый нисѣ его водилѣ своей рукою,
 Представилѣ Душеньку со всею красою,
 Какой до толѣ умѣ вообразить не могѣ.
 Но хочешъ ли она узрѣшь себя въ картинахъ?
 Въ иной, Зефиры ей несутѣ Помонинѣ рога,
 И, сыпля ей цвѣты, съ ней рѣзвяшся въ долинахъ;
 Въ другой она, съ щиромѣ преспрашнымѣ на груди,
 Палладой наряжась, грозитѣ на лошади,
 И болѣ, какѣ копьемѣ, своимѣ прекраснымѣ взоромѣ,
 Разитѣ сердца пріятнымѣ моромѣ.
 А шамѣ предѣ ней Сашуринѣ, беззубѣ, плѣшивѣ и сѣдѣ,
 Съ обновою морщинѣ на старолѣтней рожѣ,
 Желаетѣ бытъ моложе,
 Кудритѣ оставшіе волосѣ своихъ клочки,
 И видѣшь Душеньку вздѣваетѣ онѣ очки.
 А шамѣ она видна, подобяся Царицѣ,
 Съ Амурами вокругѣ, въ воздушной колесницѣ;
 Прекрасной Душеньки за чesѣ и красосу,
 Амуры шамѣ сердца сирѣбляютѣ на лешу;
 Лешятѣ великою толпою,
 И всѣ они несутѣ колчаны за плечми,
 И всѣ, прекрасными гордясь ея очми,
 Лешятѣ, поднявши лукѣ, на цѣлый свѣтъ войною.
 А шамѣ свирѣпый Марсѣ, рушилель мирныхъ правѣ,
 Увидѣвъ Душеньку, являетѣ тихой нравѣ:
 Полей не обагрятѣ кровью,
 И, наконецѣ, забывѣ военный свой усавѣ,
 Смягченѣ, у ногѣ ея, пылатѣ въ ней любовью.
 А шамѣ представлена она среди Утѣхѣ,

Которы ей вездѣ предходятъ,
И вымыслами игрѣ различныхъ производятъ

Въ лицѣ ея пріятный смѣхъ.

А идѣ Граціи Царевну окружаютъ,
Ее различными цвѣтами украшаютъ,
И тихо вокругъ ея лешающій Зефиръ
Рисуе образъ сей, чтобъ имъ украситъ міръ:

Но въ ревности отъ взглядовъ вольныхъ,
Умбравая умъ любителей свободъ,
И, можешь бышь, спрянясь отъ кришнѣ злосрамольныхъ,
Скрываетъ въ списокъ онъ большую часть красотъ.

Въ картинахъ же онъ, какъ вѣстно, чудесами
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.

А чтобъ, встрѣчаясь шамъ

Различные предметы,

Не скучили ея глазамъ:

Въ другихъ мѣстахъ ея портреты

Одни являлись по стѣнамъ,

Въ простыхъ уборахъ и нарядныхъ,

И въ разныхъ пластьяхъ маснарадныхъ.

Во всѣхъ ты, Душенька, уборахъ хороша:

По образуль какой Царицы ты одѣта,

Пастушкоюль сидишь ты возлѣ шалаша,

Во всѣхъ ты чудо свѣта;

Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,

И только ты одна прекраснѣе портрета.

Пошомство вѣдаетъ, что сей чудесный домъ,

Гдѣ жилиши тебя досшойно обожали,

Былъ храмъ твоихъ красотъ, и нѣтъ сомнѣнья въ томъ,

Что храмъ сей для тебя Амуры соружали ,
 Амуры украшали,
 Амуры образъ твой повсюду начертали ,
 Амуры, наконецъ ,
 Примыслили къ лицу, на всякой образецъ,
 Различные уборы ,
 Могущіе привлечь твои прелестныя взоры,
 Угоденъ ли какой нарядъ ,
 И надобныль тебѣ обновы?
 Увидишь, что они готовы,
 Что твой уже примѣченъ взглядъ,
 И изъ твоей воздушной свиты,
 Зефиръ пришелъ тебѣ донести,
 Что всѣ обновы были сшиты :
 Когда прикажешь ихъ принести ?
 Желалъ бы описать подробно,
 Другія рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ ,
 Гдѣ все плѣняло взглядъ ,
 И было безподобно ;
 Но всюду шамъ умомъ
 Я Душеньку встрѣчаю ,
 Прельщаюсь и, пошомъ ,
 Палаты забываю.
 Не всякъ ли домъ, не всякъ ли край ,
 Ея присуществіемъ преобращался въ рай ?
 Не еяль рай имѣлъ и бытность и начало ?
 И ежли я сказалъ о сихъ палатахъ мало ,
 Конечно въ томъ меня чинили просиашъ ;
 Я долженъ слѣдовать за Душенькою въ садъ ,
 Куда она влечетъ и мысли всѣхъ и взглядъ .

Тамъ вѣчнымъ жаромъ лѣта
 Земля была нагрѣта,
 И щедро въ круглый годъ
 Произращала плодъ,
 Безъ всякихъ непогодъ.

Тамъ нова слугъ толпа на встрѣчу къ ней лѣтѣла,
 И каждый чтился тамъ не быть при ней безъ дѣла:
 Водишь, рассказывать, иль просто забавлять.
 Царевна въ первый день о всемъ узнашь хотѣла,
 Вездѣ хотѣла погулять;

И въ рощахъ иль въ садахъ, гдѣ только лишь являлась,
 Ея приходомъ вся Натура оживлялась.

Древа склоняли къ ней листы,
 Какъ будтобъ нѣкое влеченье ощущали,
 И шихимъ шумомъ тамъ другъ другу возвѣщали,
 Подъ тѣнію своей блестящей красошъ;

И травы и цвѣты

Раскидываясь вновь, въ сей день для нихъ пріятный,
 Удвоили въ садахъ свой запахъ ароматный.

Но болѣ тамъ яминъ предъ прочими блисталъ,
 И гдѣ Царевна шла, въ томъ мѣстѣ выросалъ.

Она яминный духъ съ охмѣною любила,
 И тѣ цвѣты себѣ въ букетъ употребила;

Щастливый сей букетъ, приколонный на грудь,
 Какъ будто оживленъ, къ ней силился прильнуть.

Умолвали хоры птицъ, внимая шумъ древесный,

И за Амурами шекли въ ихъ пушъ извѣстный,

Чтобъ Душеньку увидѣшь вблизи:

Одни надъ нею вдругъ вились,

Другіе передъ ней лезали,

И много межъ собой въ семъ дивъ щебешали.
Не видно было шамъ ночныхъ зловѣщихъ пшицъ,

Ниже угрюмыхъ лицъ.

Бѣжали прочь ошоль Фауны и Саширы,
И дули шамъ одни тишайшіе Зефиры.
Фоншаны силились поднаться въ высоту,
Чшобъ лучше видѣшь имъ Царевны красоту,
Которую толпа окружна заслоняла:
И ешъли Душенька вблизи отъ нихъ гуляла,
Они стремились пашъ съ высотъ къ ея ногамъ.

Въ водахъ плескаючись Наяды,

Нешерпѣливо ждали шамъ

Ея пришествія къ щасливымъ ихъ берегамъ.

Иныя взлезли на каскады,

Смошрѣшь на пушь ея, шамъ головы поднявъ

И Душеньку узрѣвъ, бросались къ ней стремглавъ.

Въ семъ общемъ торжествѣ Нашуры,

И самы каменны надъ токами фигуры,

Отъ удивленія вездѣ, разинувъ ротъ,

Изъ внутренностей вдругъ пускали много водъ.

Сей видъ представилъ ей различныхъ шварей родъ,

Въ изображеніяхъ неизчислимо многихъ,

Ползущихъ, скачущихъ, пернашихъ, чешверногихъ;

И всѣ шворенія и чуды Ешесшва

Являлись шамъ къ ея услугамъ иль къ забавѣ,

Иль въ честь ея державъ

И къ славѣ торжества.

Ошшуда шла она въ покрышыя алеи,
Которыя вели въ густой и шемный лѣсъ.

При входѣ шамъ, въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ,
Открылись новые художные замѣны:

Богини, Боги, Феи,

Могучіе Богатыри,

И славные Цари,

Въ быляхъ и въ небылицахъ,

Являлись тамо въ лицахъ,

Со описаніемъ откуда, что, каковы,

И словомъ, то была Исторія вѣковъ;

Пришомъ служилые Амуры

Различны повѣсти старались рассказать;

И тамо Душенька, среди чудесъ Намуры,

Нашла въ явленіяхъ свой родъ, отца и мать;

И съ самой точностью, въ безлюдной сей пустыни,

Весь міръ являлся ей, какъ будто на картинѣ.

Хотяжъ гулянье по лѣсамъ

Особо Душенька любила,

И послѣ каждый день ходила,

И съ свисой и одна, въ тѣнистымъ симъ мѣстамъ,

Но въ сей начальной день не шла въ густыя роши:

Иль ради наступившей ночи,

Или, не зря дороги въ лѣсъ,

Боялась всякихъ шамъ чудесъ,

Иль нѣжныя въ ходѣ ея устали ноги;

И Душенька ошоль пошла назадъ въ чертоги.

Не стану представлять

Чишашелю предъ очи

Пріяшны сны ея, въ послѣдовавши ночи;

Ихъ самъ онъ можетъ ошгадать.

Но дни бывали шамъ причиною разлуки,
 И дни, среди ушѣхъ, свои имѣли скуки.
 Въ сихъ скунахъ Царска дочь, пускаясь въ нарядъ,
 Въ уборахъ время провождала,
 Всегда обнову надѣвала,
 Въ обновѣ же ходила въ садъ,
 И тако скуку прогоняла.

Въ одинъ изъ оныхъ дней,
 Прошедши въ лѣсѣ далече,
 Царевна шамъ навстрѣчѣ
 Увидѣла ручей,
 Кошорый по дубровѣ,
 Какъ будто бы на зовъ,
 Предъ нею вышекъ въ новѣ;
 Но красота береговъ,
 При шокѣ водъ хрустальныхъ,
 Скрывалась въ рощахъ дальныхъ,
 И обольщенъ взоръ
 Вела пошомъ до горъ,
 Ошкуда чисты шокъ,
 Прервавъ земли упоръ,
 Давали ей изъ норъ
 Расшишелые соки.
 Тогда ошкрылся грошъ,
 Устроенный у водъ
 По новому манеру;
 Онъ велъ пошомъ въ пещеру,
 Гдѣ солнечны лучи
 Свѣтили лишь при входѣ,

И гдѣ, журча ключи,
 Подобно какъ въ ночи,
 Во мрачѣйшей свободѣ
 Являли скрышный видѣ,
 Иль таинство въ природѣ.
 Исторія гласитъ,
 И знаютъ то въ народѣ,
 Что Душенька вошедъ
 Въ невѣдомый ей слѣдъ,
 При темномъ дѣлѣ началъ,
 Идши не смѣла далъ;
 Но чудомъ тамо вдругъ,
 Безъ всякой дальней рѣчи,
 Невидимо супругъ
 Схватилъ ее подъ плечи,
 И въ самой темнотѣ,
 На нѣкой высотѣ
 Изъ дерновъ зеленистыхъ,
 При стокахъ водъ ручьиныхъ,
 Съ собою посадилъ,
 И много говорилъ,
 И прозой и стихами,
 Какъ водится межъ нами.
 Не вѣдаешь никто,
 Въ какихъ словахъ на то
 Царевна отвѣчала:
 Извѣстно только намъ,
 Что послѣ къ симъ мѣстамъ
 Дорожку протопшала.
 Съ тѣхъ поръ Царева дочь,

Часы и въ день и въ ночь
 Съ супругомъ провождала,
 И болѣ всѣхъ охотѣ
 Любила темный грошъ.
 Когда же заспигалась
 Ночною темношой,
 То вмѣстѣ возвращалась
 Съ супругомъ въ свой покой.

Тогда воздушна колесница
 Несла ихъ въ облакъ густомъ,
 Подъ темнымъ нѣкакимъ шапромъ;
 И каждый день сихъ мѣстѣ Царица,
 Спокоенная сладкимъ сномъ,
 Пускалась въ прежній пушъ пошомъ,
 Изъ дома въ грошъ, изъ гроша въ домъ.

Но разумъ требуетъ себѣ часовъ свободы,
 Скучаешь проводишь въ любви цѣлый день.
 Царевна слѣдуя усшаву въ томъ Природы,
 Тогда изобрѣла потѣхъ различны роды:
 Амуровъ съ Нимфами веселы хороходы,
 И жмурки и плешень,
 Со всякими играми,
 Какія и доднесъ остались между нами.
 Амуры, наконецъ, сшарались изобрѣсть,
 По вкусу Душеньки, Комедіи, Балешы,
 Концерты, Оперы, забавны Оперешы,
 И все, что острый умъ удобенъ произвестъ
 Въ утѣхамъ чувствѣй нѣжныхъ,
 Въ щастливыхъ дняхъ и безмятежныхъ.

Во Греціи Менандръ, во Франціи Мольеръ,
 Кино, Дешушъ, Реньяръ, Руссо и самъ Волшеръ,
 Въ Россіи, наконецъ, гонитель злыхъ пороковъ,
 Почтенный Сумароковъ,

Театру Душеньки сшарались подражать,
 И въ поздныхъ лишь вѣкахъ могли изображать
 Различны дѣйствія Натуры,

Какія въ первый разъ явили шамъ Амуры.

Но чшобы всѣ текли веселья безъ помѣхъ,
 Печальный всякой видъ тиранствъ, смершей, измѣны,
 Былъ изгнанъ изъ палатъ, гдѣ царствовалъ лишь смѣхъ,

И гдѣ, среди утѣхъ,
 Невѣдомъ былъ кинжалъ плачевной Мельпомены.

Царевна, съ возрастомъ познашельнѣйшихъ лѣтъ,
 Знакомый прежде ей любила видѣть свѣтъ,
 И часшо, дѣтскія оставивши забавы,
 Желала болѣ знать людскіе разны нравы,
 И кшо и какъ живалъ, и нынѣ какъ живешъ :
 Сіи познанія о каждомъ человекѣ,
 Легко могла найши въ своей библіотекѣ.

Великая громада книгъ,

И малыхъ и большихъ,

Ее отъ чтенія вначалѣ отшвращала,

Но скоро Душенька узнала,
 Чшо разумъ ко всему возможно приучашъ ;
 Узнала дѣльный смыслъ отъ шутокъ отшличашъ,

Судишъ и примѣчашъ.

Въ исторіяхъ правдивыхъ
 Довольное число нашла прибавокъ лживыхъ.

Въ писателяхъ сисшемъ
 Нашла, при всякой смѣси,
 Довольно вздорной спѣси,
 Хошь часшо ихъ предлогъ не кончился ни чѣмъ.
 Нечаянно же ей, во оной книгѣ громадѣ,
 Одну трагедію случилось развернуть:
 Тамъ Авшоръ силился слезами всѣхъ пронуть,
 И Героиня тамъ, въ печальнѣйшемъ нарядѣ,
 Не зная, что сказать, кричала часшо: ахъ!

Но чѣмъ тогда въ бѣдахъ

Ея вершился страхъ?

Она, сказавъ люблю, ахъ! вышла изъ покоя,
 И ахашъ одного оставила героя.

Царевна тамъ еще взяла чишашъ стихи,
 Но, ихъ чишаючи, какъ будшо за грѣхи,
 Въ семъ домѣ въ первый разъ она узнала скуку
 И, бросивъ ихъ подъ шолъ, ушибла больно руку.
 Носилъ послѣ слухъ, что будшо, наконецъ,

Несчастливыхъ сихъ стиховъ шворецъ,

Указомъ Аполлона,

На вѣки согнанъ съ Геликона;

И послѣ Душенька, боясь конечно скуки,

Иль ради сохраненья рукъ,

Стиховъ три года не чишала,

Хошя ихъ нѣкогда сама она слагала;

И въ семъ изгнаніи стиховъ,

Оставила, не чшя, похвальныя ей оды.

Желала посмотрѣть впослѣдовъ переводы

Извѣснѣйшихъ шворцовъ,

Но въ нѣкакѣхъ словахъ ихъ мало разумѣла,
 И для того велѣла
 На знаемый языкъ Амурамъ перевести,
 Чѣмъ можно было ихъ безъ тягости прочесть.

Зефиры, наконецъ, Царевнѣ приносили
 Различные лиски, которые на свѣтѣ,
 Изъ самыхъ древнихъ лѣтъ,
 Между полезными продерзко выходили,
 И кипами грозили
 Тягчишь усиленно Геликонъ.
 Царевна, зная, что имъ не писанъ былъ законъ,
 Ихъ вольности не нарушала,
 Но сихъ швореній не читала.

Три года тако жизнь Царевна провождала:
 Счастлива бы была, когдабъ прекрасный рай
 Желаніямъ ея возмогъ содѣлать край;
 Но любопытный умъ, при всякой въ жизни волѣ,
 Нерѣдко слабостью бываетъ въ женскомъ полѣ.

Царевна, распознавъ
 Супруга своего пріятный умъ и нравъ,
 О немъ желала вѣдать болѣ:
 Во всѣхъ свиданьяхъ съ нимъ, по днямъ и по ночамъ,
 И въ облачномъ полетѣ,
 Просила съ жалобой, чѣмъ онъ ея очамъ
 Явилъ себя при свѣтѣ.
 Вошше супругъ Царевну увѣрялъ,
 Чѣмъ онъ себя скрывалъ
 Для слѣдствій самыхъ важныхъ;
 Вошше ей знать давалъ,

Что онъ не могъ никакъ нарушить словъ присяжныхъ,
 Что Спиксомъ клялся въ томъ Богамъ:
 Царевна Спиксомъ насмѣхалась,
 И часто удержась старалась
 Супруга въ домъ по ночамъ;
 И часто, сляся безъ мѣры,
 На свѣтъ тащила изъ пещеры:
 Но онъ изъ рукъ ея тогда,
 Какъ вѣтеръ, уходилъ невѣдомо куда.
 Впослѣдокъ онъ, для большей вѣры,
 Какъ въ томъ бѣды предузнавалъ,
 Въ слезахъ ее увѣщевалъ,
 Чтобъ свѣта бѣгала въ свиданіяхъ любовныхъ,
 И пачебъ стереглась коварства самыхъ кровныхъ,
 Которые хотѣли ей гибель нанести;
 Что, если будешь власть на то Боговъ верховныхъ,
 Ее никакъ отъ бѣды не можешь онъ спасти.

Вздохнувши, онъ тогда отъ страховъ шоль суровыхъ
 Едва изъ дома ошлѣблѣ,
 Зефиръ, который въ даль посыланъ былъ для дѣлъ,
 Принесъ отовсюду ей пуки извѣстій новыхъ:
 Что двѣ ея сестры
 Пришли ее искать у спрашной той горы,
 Откуда имъ Зефиромъ
 Она вознесена въ прекрасный рай надъ міромъ;
 Что тамо подъ горой изъ множества пещеръ
 Спращаютъ ихъ Драконы;
 И что онъ могъ принести Царевнѣ отъ сестеръ,
 Вѣрибе всѣхъ вѣщей, и письма и поклоны.

Зефиръ, Зефиръ! когдабъ ты зналъ
 Сихъ злобныхъ сестръ коварныя лести,
 Тыбъ въ вѣчной шайнѣ сокрывалъ
 Для Душеньки такія вѣсти!

Къ несчастью никакой не встрѣтился съ нимъ Духъ,
 Кто близкихъ бы для ней напастей вѣдалъ слухъ,
 И кто бы, при такой незнаемой измѣнѣ,
 Зефиру могъ сказать, чѣмъ онъ болталъ поменѣ.

Но воля въ томъ была Небесъ,
 Чѣмъ Зефиръ, безъ всякой встрѣчи,
 По воздуху ловя на свѣтѣ всяки рѣчи,
 Къ Царевнѣ съ вѣтромъ ихъ принесъ;
 И такъ устали злодѣющи ей Боги,
 Чѣмъ сестръ она пошомъ взяла къ себѣ въ чершогѣ.

Обыкши Душенька любить родную кровь,
 И должную хранишь къ сестрамъ своимъ любовь,
 Супружніе тогда забыла всѣ совѣты:

Зефиру томъ же часъ, скорѣе какъ ни есть,
 Сихъ сестръ передъ себя велѣла въ рай привестъ.
 Не видяжъ никакой коварства ихъ примѣты,

Желала показать
 Наряды, и парчи, и камни, и кровать,
 И домъ, и всѣ пожитки,
 И съ ними раздѣлишь своихъ богатствъ избытки.

То счастье мало веселишь,
 Кошараго никто не знаетъ,
 И радость вдвое томъ вкушаетъ,
 Кто радости съ другимъ дѣлитъ.

Не въ долгомъ времени Царевны и въ ней предстали,
 И обѣ Душеньку со счастьемъ поздравляли,
 И за руку трясли, и крѣпко обнимали,
 И радость изъявляли
 Съ усмѣшкой на лицахъ.

Но ревность ядъ тогда простерла въ ихъ сердцахъ,
 Втвердила въ мысли ихъ, какъ будто грѣхъ Нашуры,
 Что младшая сестра, за красоту свою,
 Живетъ, господствуя, въ прекраснѣйшемъ раю;
 Богини служатъ ей, Зефиры и Амуры.
 Въ шому имъ Душенька сказала съ хвастовствомъ,
 Что тамъ живетъ она въ союзѣ съ божествомъ,
 И что супругъ ея любезнѣй Аполлона,
 Прекраснѣй Купидона;
 Что онъ, изъ смертныхъ всѣхъ красотъ
 На выборъ взялъ ее въ супруги;

Что отдалъ ей во власъ лещучій свой народъ,
 И всякія всегда ей дѣлаетъ услуги.
 Такая похвала была ли безо лжи?
 Чисташель вѣдаетъ, когда кого мы любимъ,
 О шомъ съ прибавкой правду шрубимъ.

»Да гдѣжь супругъ, сважи? . . .
 Не зная что скажешь, Царевна шущъ запнулась,
 Желала скрыть отъ сестръ сомнѣнныя дѣла,
 И въ рѣчи заикнулась;
 Хошя же, не могла
 Разлуку съ нимъ оправить.

Сестры, отъ ревности, кошорая ихъ жгла,
 Не преминули шо въ умъ себѣ представить,
 Что Душенькинъ супругъ любезнѣйшій былъ Богъ;

Что въ сихъ блаженствахъ вышнихъ,
 И видимыхъ и слышныхъ,
 Ни злой, ни страшный Духъ присутствовать не могъ,
 И то, чего онѣ не знали, не видали,
 Легко отъ ревности себѣ воображали,
 И тайно отъ сестры между собой шептали:
 »За что супруга ей Судьбы на небѣ дали?

»А мы и на земли

»Едва въ просыхъ Царяхъ себѣ мужей нашли,

»И шѣ, какъ дѣды, сшары,

»И намъ ошнюдь не пары.»

И завистью дыша,

Царевны Душеньку нещадно шутъ хулили;

Впослѣдокъ говорили,

Что Душенька была ошнюдь нехороша.

Коварна неавистъ, судя повсюду сшрого,

Очей имѣетъ много,

И видитъ сквозъ покровъ закрышыя дѣла.

И день, и два, и шри супругъ гостямъ неявенъ;

Тогда отшверзла вслухъ уста свои хула:

»Конечно былъ супругъ недобръ, угрюмъ, злонавенъ,

»Конечно Душенька несчастлива была

»И сестрѣ неправыми словами обманула.»

Тогда Царевна воздохнула,

Пошупила глаза, на сестрѣ своихъ взглянула,

И слезы шутъ себѣ въ улику пролила.

Тогда сестрамъ ошкрыла,

Куда по днямъ ходила,

И гдѣ и какъ жила,

И происшествія подробно рассказала;
 Но только лишь сказать не знала,
 Каковъ и кто ея супругъ,
 Колдунъ, иль змѣй, иль Богъ, иль Духъ.

Коварныя сестры, тогда съ лицомъ усмѣшнымъ,
 Взглянулись межъ собой, и сей лукавый взглядъ
 Мгновенно сообщилъ одинъ другому ядъ,
 Который былъ прикрытъ доброжеланьемъ вишнимъ.
 Онъ, то съ жалостью, то съ гнѣвомъ и стыдомъ,
 И съ нѣкимъ ужасомъ, сестрѣ внушить старались,
 Что въ страшныхъ сихъ мѣстахъ бытъ долго опасались,
 И что сначала имъ сомнишелемъ былъ домъ;
 Что въ немъ живутъ конечно змѣи,
 Или злонравны чародѣи,
 Которые, устроивъ рай
 И всѣ возможные забавы,
 Манящъ людей въ сей страшный край,
 Для сущей ихъ ошравы.

Къ тому прибавили, что будто въ сторонѣ,
 Поушру видѣли онъ
 Съ домоваго балкона,
 Надъ грономъ въ воздухѣ, подобіе Дракона;
 И будтобъ шамъ лешалъ съ рогами страшный змѣй,
 И будтобъ выпускалъ онъ искры изъ ноздрей,
 И въ рощѣ, наконецъ, склонясь у горъ къ паршеру,
 При ихъ глазахъ поползъ, сгибаючись, въ пещеру.
 Царевны впослѣди вмѣшали въ разговоръ
 Имъ общій всѣмъ позоръ
 На будущіе роды:

Чшо дѣши отъ нея должны бытъ всѣ уроды,
Иль чуды, съ которыми не можно будешь жишь,
И кои будешь міръ спрашишь.

Во многомъ Душеньку увѣришь было трудно;
Но правда, что она сама свой тайный бракъ

Почесъ не знала какъ:

Ея замужство ей всегда казалось чудно.

За чѣмъ бы сей супругъ скрывался отъ людей,

Когдабъ онъ не былъ змѣй,

Иль люшый чародѣй?

Впослѣдокъ Душенька завѣрно положила,

Чшо нѣкая въ дому неистовая сила

Ее обворожила;

Чшо мужъ ея колдунъ, и могъ себя являть

Дракономъ, аспидомъ, и всякой видъ принявъ;

Но въ видъ семъ онъ ей не могъ себя казавъ,

Чшобъ тѣмъ ее не испугавъ;

Чшо онъ не могъ имѣть ни вѣры, ни закона,

И хуже былъ Дракона.

Царевна, въ сей прискорбной часъ,

Забыла райскія утѣхи;

Замолкъ пріятныхъ ибсенъ гласъ,

Уныли Радости и Смѣхи.

Злошворныхъ сестръ и рѣчь и взглядъ

Простерли мрачной скуки ядъ.

Амуры вдругъ вострепешали,

И съ плачемъ далъ ошлешали

Отъ сихъ любимыхъ имъ палатъ.

Царевна шамб, одна съ сестрами,
 Въ свободѣ продолжала рѣчь,
 И непремѣнными судьбами
 Сихъ словъ никто не могъ стеречь:

»Могуль я въ свѣтѣ жить? Царевна говорила;

»Посылъ мнѣ мужъ и жизнь посыла.

»Несчастлива Душенька! ты мнила бышь въ раю,

»И учась выше всѣхъ счисляла ты свою;

»Но, съ родомъ разлучась, и въ земнаго круга,

»Кого имѣешь ты супруга?

»Волшебный лишь призракъ,

»Который дѣлаешь позорѣйшимъ твой бракъ,

»И ужасаешь всѣхъ сокрытымъ вѣроломствомъ.

»Кого въ послѣдокъ ты должна имѣшь попомствомъ?

»Чудовищъ, аспидовъ, иль змѣй какихъ нибудь.

»Но естли шако мнѣ предписано Судьбами,

»Скорѣ мечъ вонжу въ мою несчастну грудь.

»Любезныя сестры! на вѣкъ прощаюсь съ вами.

»Скажете всѣмъ роднымъ, подробными словами,

»Что знали о мнѣ и видѣли вы сами;

»Скажете, что я здѣсь неволею жила,

»Но волей умерла.»

Сестры, какъ бы уже за злобу назмѣй ждали,

Совѣтами тогда Царевнѣ представляли,

Что красныхъ дней ея безвременный конецъ

Отъ наглой хищности вселенну не избавишь,

Что лютыхъ золь ея невѣдомый творецъ,

Бышь можешь, ихъ самихъ пожрешь или удавишь;

И что, вооружась на жизнь свою она,
Должна, предъ смертью сей, какъ честная жена,
Въ удобный сонный часъ зарѣзать колдуна.

Но сей поступокъ былъ для Душеньки опасенъ,
Прошивенъ и ужасенъ;

Она во весь свой вѣкъ не рѣзала людей,
И жалость завсегда имѣла мѣсто въ ней;

И можешь быть любовь, какой она сныдилась,
Въ груди ея таилась.

Убийственный совѣтъ Царевна получа,
Представила, въ словахъ мяшущихся и носныхъ,

Что въ домѣ не было меча,
Ниже какихъ нибудь орудій смертоносныхъ;

И какъ убишь въ ночи пустую только тѣнь,
Котора исчезаетъ въ день?

И гдѣ достать, къ сему наряду,
Съ огнемъ фонарь или лампаду?

Въ сіи печальны дни,
Зефиры съ вечера гасили всѣ огни.

Сестры то вѣдали, и смѣло ошвѣчали
На Душенькину рѣчь,

Что тотчасъ принесутъ ей самый острый мечъ,
И вмѣстѣ принести лампаду обѣщали.

Пріятна ли была ей ревность сихъ услугъ,
Примѣшивъ было льзя изъ словъ ея печальныхъ :

Прекрасна Душенька, тогда безъ мыслей дальныхъ,
Желала только знать, каковъ ея супругъ,

И взоры обращая къ саду,
Идущихъ сестръ своихъ просила много разъ,

Не позабышь лампаду.

Уже Зефирамъ данъ приказъ,
 Несши сихъ сестръ въ земному шару,
 Припрягши въ пушь Бореевъ пару.
 Они, леша изъ міра въ міръ,
 Мѣшають съ воздухомъ эфиръ,
 И съ бурею, дождемъ и громомъ,
 Являются предъ нѣкимъ домомъ:
 То былъ Ращеевъ арсеналъ,
 Гдѣ, съ самыхъ древнихъ лѣтъ, держался
 Волшебный мечъ или кинжалъ,
 Кошорымъ Геркулесъ сражался,
 Когда чудовищъ поражалъ.
 Сей мечъ, единымъ сильнымъ махомъ,
 У Гидры девять главъ отсѣкъ;
 Сей мечъ хранился тамъ подъ страхомъ,
 И въ сказкахъ названъ Самосѣкъ.
 Онъ въ крѣпкихъ былъ стѣнахъ закладенъ,
 Но купленъ ли, иль просто взятъ,
 Иль былъ ошоло тогда украденъ,
 Писатели о томъ молчали.
 Извѣстно только нынѣ въ свѣтѣ,
 Чшо двѣ сестры пошомъ въ полетѣ,
 Съ лампаднымъ свѣтомъ, отъ земли,
 Сей мечъ на воздухъ унесли,
 И послѣ нѣкакой дороги
 Внесли въ извѣстныя чертоги,
 Гдѣ Душенька ждала сестеръ;
 А для присхойныхъ тамо мѣръ,
 Пошомъ на вѣки съ ней просились,
 И въ пушь въ домамъ скорѣй пусшились.

О естѣлибѣ вѣдала несчастна Царска дочь,
 Колико вредны ей сей мечъ, сія лампада!
 Амуры не могли какъ должно ей помочь;
 Она бѣжала ихъ присушствія и взгляда,
 И въ мысляхъ будущу имѣла только ночь.

Свѣшило дневное уже склонилось къ лѣсу,
 Надъ домомъ черную простерла ночь завѣсу,
 И купно съ темношой
 Ввела Царевнина супруга къ ней въ покой,
 Въ кошоромъ крылося несчастно непокоршво.

И естѣли повѣсти не лгушѣ,
 Прекрасна Душенька употребила шушѣ
 И разумъ и проворство,
 И хитрость и притворство,
 Кіякія свойственны женамъ,
 Когда онѣ, дѣла имѣя по ночамъ,
 Скорѣе, какъ нибудь, даюшѣ покой мужьямъ.
 Но хитроспи ли въ томъ Царевны успѣвали,
 Иль самъ клонился къ сну грызеніемъ печали,
 Онѣ, мало говоря, покоился, вздохнулъ,
 Зѣвнулъ,
 Заснулъ.

Тогда Царевна осторожно
 Всшаешѣ, шоль тихо, какъ возможно,
 И низу, по шропѣ злашой,
 Едва касаяся пяшой,
 Выходишѣ въ нѣкакой покой,
 Гдѣ многія ошѣ глазѣ преграды
 Скрывали мечъ и свѣшѣ лампады.

Потомъ, съ лампадою въ рукахъ,
 Идетъ назадъ, на всякой страхъ,
 И съ предпріятіемъ печальнымъ,
 Скрываетъ мечъ подъ плащемъ спальнымъ;
 Идетъ, и медлитъ на пуши,
 И ускоряетъ вдругъ сшупени,
 И собственной боится тѣни,
 Бояся змѣя тамъ найши.
 Межъ тѣмъ въ чертогъ супружній входитъ;
 Но кто представился ей тамъ?
 Кого въ одрѣ своемъ находитъ?
 То былъ . . . но кто? . . . Амуръ былъ самъ:
 Сей Богъ властитель всей Нашуры,
 Кому покорны всѣ Амуры.
 Онъ въ крѣпкомъ снѣ, почти нагой,
 Лежалъ, разкинувшись, въ постелѣ,
 Покрывъ тончайшей пеленой,
 Кошора сдвинулась долой,
 И часью лишь была на тѣлѣ.
 Склонивъ лице ко сторонѣ,
 Просшерши руки обоюду,
 Казалось, будтобъ въ ономъ снѣ
 Онъ Душеньку искалъ повсюду.
 Румянецъ розы на щекахъ,
 Разсыпанной поверхъ лилеи,
 И бѣлы кудри въ шрехъ рядахъ,
 Вьючись вокругъ бѣлѣйшей шеи,
 И складъ и нѣжность всѣхъ часшей,
 Въ виду, во всей красѣ своей,

Иль кои крѣпилися отъ вида,
 Могли унизишь Адонида,
 За коимъ иѣкогда, влюбясь,
 Сама Венера, въ дождь и въ грязь,
 Бѣжала въ дикія пущыни,
 Сложивъ величество Богини.

Таковъ являлся Богъ Амуръ,
 Таковъ, иль былъ тому подобенъ,
 Прекрасенъ, бѣлъ и бѣловуръ,
 Хорошъ, пригожъ, къ любви способенъ.
 Но въ мысляхъ вольныхъ безъ препящствъ,
 За сими крашкими чертами,
 Чишашели представляшъ сами,
 Каковъ бышъ долженъ Богъ пріясшвъ,
 И Царь надъ всѣми красошами.

Увидѣвъ Душенька прекрасно божество,
 Намѣсто аспида, котораго боялась,
 Видѣніе сіе почла за колдовство,
 Иль сонъ, или призракъ, и долго изумлялась;
 И видя, наконецъ, какъ каждый видѣшь могъ,
 Чшо сей супругъ ея прекраснѣйшій былъ Богъ,
 Едва не кинула лампы и кинжала,
 Которымъ жизнь свою хотѣла окончашь,
 Едва не бросилась супруга обнимашъ,
 Какъ будшобъ никогда его не обнимала.

Но удовольствіемъ очей
 Остановилась мысль любовна,
 И Душенька тогда, недвижна и безсловна,
 Считала ночь сію пріятнѣй всѣхъ ночей.
 Она не разъ себя шутъ въ мысляхъ обвиняла,
 Смоля со всѣхъ сторонъ, что видѣшь лишь могла,
 Почто давно къ нему съ лампадой не пришла,
 Почто сихъ прелесшей толь долго не видала,
 Почто о Богѣ семъ въ незнаніи была,
 И дерзостно его за змѣя почишала.
 Впослѣдокъ Царска дочь,
 Въ сію пріятну ночь,
 Дая свободу взгляду,
 Приблизилась, пошомъ приблизила лампаду,
 Пошомъ, нечаянной бѣдой,
 При семъ движеніи, и робкомъ и несмѣломъ,
 Держа огонь надъ самымъ шѣломъ
 Трепещущей рукой,
 Небрежно надъ бедромъ лампаду наклонила,
 И, масла часть проливъ ошшоль,
 Ожою бедра, супруга разбудила;
 Онъ, чувствуя жестокую боль,
 Вздрогнувъ, вскричавъ, проснулся
 И, блъ свою забывъ, ошъ свѣша ужаснулся;
 Увидѣвъ Душеньку, увидѣвъ также мечъ,
 Который изъ-подъ плечь
 Къ ногамъ тогда скользнулся;
 Увидѣвъ онъ вины,
 Или признаки винъ, зломысленной жены;

И щещно шутъ она желала
 Сказашъ всю бытность отъ начала,
 Иль что въ поправку дѣлѣ сказашъ ему могла:
 Слова въ устахъ останавлялись,
 И свѣтъ и мечъ во всемъ уликою являлись,
 И Душенька тогда, упавши, обмерла.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Бывала Душенька всѣхъ радостей душою,
Бывала Душенька большею госпожою;
Бывало въ прошлы дни, подѣ кровомъ у небесѣ,
Когда лишь напла слезѣ
Изъ глазѣ ея сверкнула,
Или бы Душенька о чемъ нибудь вздохнула,
Илибѣ поморщилась, иль шолько бы взглянула,
Въ минушубѣ, для ея услугѣ,
Полки Духовѣ явились въ кругѣ,
Сѣ водами, спиршами, изъ разныхъ краевѣ свѣта;
И самѣ бы Эскулапѣ, хошя далеко жилѣ,
Тошчасѣ бы сысканѣ былѣ,
Пощупашѣ, посмотришѣ, иль просто для совѣта,
И всюбѣ свою для ней науку истощилѣ.
Но вдругѣ во всемѣ Дворѣ разсѣялися слухи,
Чшо Душенька въ раю преслушала законѣ,
И чшо ее за грѣхѣ оставилѣ Купидонѣ:
Оставили ее и всѣ прислужны Духи.

Зефиры не были въ числѣ невѣрныхъ слугъ:
 Сии за Душенькой шаринны волокишы,
 Одни остались изъ всей придворной свиты,
 Кошорые вдали надъ ней лешали вокругъ;
 Но были такъ легки, какъ наши пешимешры.

Зефиры были вѣтры:
 Увидѣвъ красоты, что прежь сего цвѣли,
 Увидѣвъ ихъ тогда поблеклы, бездыханны,
 Зефиры не могли
 Быть долго постоянны,
 И, кинувъ Царску дочь,
 Лешѣшь пустились прочь.

Красавицы Двора, кошоры ей служили,
 Хошя, казалось, обѣ ней тогда тужили,
 Но каждая изъ нихъ имѣла красоты,
 Имѣла собственны дѣла и суешы,
 Сшараяся, ища, ласкаясь, уповая,
 Авось-либо шворецъ прекраснѣйшаго рая,
 Авось-либо сей Богъ веселій и утѣхъ,
 Оставивъ Душеньку за шалость и за грѣхъ,
 И, вспомнивъ древню ихъ преданность и услугу,
 Впослѣдокъ кинетъ взоръ
 На собственный свой Дворъ,
 И, можетъ быть, изъ нихъ возметъ себѣ супругу;
 И каждая, хваля начальницу свою,
 Желала бытъ сама начальницей въ раю.
 Амуры къ Душенькѣ всѣхъ болѣ склонны были,
 По старой памяти всегда ее любили,
 И, видя злую съ ней напастъ,
 Усердно ей помочь хотѣли;

Но вѣдая въ томъ вышнюю власть,
 Къ ней близко подступать не смѣли,
 Или то можешь бышь, они, предвидя впредь
 Всѣ горести ея и скорби и печали,
 Судили лучше ей въ сей долъ умереть,
 И ей изъ жалости тогда не помогали.
 Они увидѣли, увы! въ томъ самый часъ,
 Зефирамъ на вѣтру написанный приказъ . . .
 Амуры съ Душенькой расшались, возрыдали,
 И только взорами ее препровождали.
 Зефиры Царску дочь обратно унесли

Изъ горнихъ мѣстъ въ земли,
 Туда, откуда взяли;

И тамъ

Оставили полмертву,
 Какъ будто люшымъ львамъ
 И аспидамъ на жертву.

Умри, красавица, умри! швой сладкій вѣкъ
 Съ минувшимъ днемъ уже прошекъ.
 Коль смерть тебя отъ бѣдъ грозящихъ не избавишь,
 Сей свѣтъ, въ которомъ ты равнялась съ божествомъ,
 Ошнынъ для тебя наполненъ будетъ зломъ,
 И всюду горести за горестями представишь;
 Тебя на бѣдствія оставилъ Купидонъ.

Твой рай, швой утѣхи,
 Забавы, игры, смѣхи
 Прошли какъ будто сонъ.

Кшо сладки дни виушалъ и сладкихъ дней лишился,
 Тотъ болѣ вѣдаетъ ихъ цѣну и уронъ;
 И болѣ, кшо любя, съ любимымъ разлучился,
 И утѣшенія себѣ не чае въ впредь,
 Конечно моего не опорочитъ слова,
 Чшо лучше Душенькѣ въ сей долѣ умереть.
 Но гибельная Судьба къ ней шоль была сурова,
 Чшо сколь бы грозныхъ Паркъ на помощь ни звала,
 И какъ бы смерти ни искала,
 Судьба судила такъ, чшобъ Душенька жила,
 И въ жизни бы спрадала.

По нѣсколькихъ часахъ,
 Какъ, вымытый въ водахъ
 Румяный ликъ Авроры,
 Выглядывалъ на горы,
 И Фебъ дружилъ съ ней на синихъ небесахъ,
 Иль, такъ сказашъ, въ простыхъ словахъ,
 Какъ день явился послѣ ночи,
 Очнулась Душенька, открыла ясны очи,
 Открыла . . . и едва опять не обмерла,
 Увидѣвъ, гдѣ и какъ тогда она была.
 На мѣсто божескихъ прекраснѣйшихъ селеній,
 Гдѣ смѣховъ, игръ, забавъ и всякихъ слугъ соборъ,
 Сшарались примѣчать и мысль ея и взоръ,
 И ей услуживать, не ждавши повелѣній,
 На мѣсто всѣхъ въ раю устроенныхъ чудесъ,
 Увидѣла она, подъ сводами небесъ,
 Вокругъ пустыню, гору, лѣсъ,
 Пещеры аспидовъ, звѣриныя берлоги,

У коихъ нѣкогда жрецы, и сами Боги,
 И самъ отецъ ея, сама Царица машь,
 Оставили ее судьбы своей искашь,
 Искать себѣ чешы, не вѣдая дороги;
 Увидѣла она, при ушренной зарѣ,
 Въ ужасной сей пусшынѣ,
 На самой той горѣ,
 Куда, по повѣстямъ, вездѣ извѣстнымъ нынѣ,
 Ни звѣрь не забѣгалъ,
 Ни птицы не лешали,
 И гдѣ, казалось, лишь страхи обижали,
 Увидѣла себя, безъ райскихъ покрывалъ,
 Лежащу въ плащницѣ простомъ и ненарядномъ,
 Въ какое Душеньку, въ несчастьи безприкладномъ,
 Оставивъ выкладки и всякіе мохры,
 Родные нарядили,
 Когда на верхъ горы
 Ее препроводили.
 Хоша же Душенька, привыкнувши къ бѣдамъ,
 Ко страхамъ и несчастью,
 Могла бы ожидать себѣ ошрады шамъ,
 Боговъ хранишелей вездѣ присущной власью,
 И, вѣря всякимъ чудесамъ,
 Моглабъ въ ихъ помощи легко себя увѣришь,
 Могла бы шѣмъ свою печаль и скорбь умѣришь;
 Но Душенька дошоль въ раю
 Была супругою Амура,
 И участь Душенька свою,
 Грѣхомъ, ушрашила, какъ дура,
 Ушрашила любовь превыше всѣхъ ушѣхъ,

Любовь нѣжнѣйшаго любовника и друга,
Иль паче божества подѣ именемъ супруга;
И чѣмъ сильнѣй она свой чувствовала грѣхъ,
Тѣмъ болѣ нѣжною любовью пламенѣла.

Сто краше она, въ поправку дѣла,
Прощенія просить хошѣла,
У мужа, у Боговъ, у наждаго и всѣхъ;
Но способовъ къ тому въ пустынѣ не имѣла.
Въ пустынѣ сей никто, ни человѣкъ, ни Богъ,
Ни видѣть слезъ ея, ни слышать словъ не могъ.

Амуръ въ сей часъ надъ ней невидимо взвивался,
Тая свою печаль, во мракѣ черныхъ тучъ,
И есѣли пронизалъ къ нему надежды лучъ,
Надеждой Душеньку утѣшивъ онъ боялся.

Онъ тайно ею любовался,
Онъ, крадучись, ея поступки примѣчалъ:
Ее другимъ Богамъ въ сохранность поручалъ,
И, извиняючи въ ней скорость всякой вѣры,
Приписывалъ вину однѣмъ ея сестрамъ.
Извѣстно то, что онъ, по проискамъ Венеры,
Былъ долженъ Душеньку предать ея судьбамъ,

И что въ шолко люшой части,
Спасая жизнь ея отъ злобствующей власи,
Какою ей тогда Венеринъ гибель грозилъ,
Противу склонности былъ долженъ ухищряться,
Противъ желанія былъ долженъ пришворяться,
Какъ будто онъ уже Царевну не любилъ.
Не смѣя же ей самъ явить свои прислуги,

Онъ Эху той округи

Сспрожайшій далъ приказъ,
 Чшобъ Эхо всяку рѣчь Царевнину внимало,
 И громко повшоряло
 Слова ея сшо разъ.

»Амуръ, Амуръ!« она отчаянно вскричала . . .
 И можешъ бышь, что рѣчь еще бы продолжала,
 Какъ нѣкій бурный шумъ средь облакъ, въ оный часъ
 На время прекратилъ ея плачевный гласъ.

На вопль отчаянной супруги,
 Который поразилъ и горы и лѣса
 Печальной сей округи,
 Который Эхо шамъ, во многи голоса,
 Несло на перехватъ подъ самы небеса,
 Амуръ, предавшись движенью нѣжной спрасши,
 Забывъ жестоку боль бедра,
 И все, что было съ нимъ вчера,
 Едва не позабылъ всю грозу вышней власши,
 Едва не бросился съ высокихъ облаковъ
 Къ ногамъ возлюбленной, безъ всякихъ дальнихъ словъ,
 Съ желаньемъ навсегда отнынѣ
 Оставивъ пышности небесъ,
 И съ нею жишь въ глухой пустынь,
 Хошябъ то былъ дремучій лѣсъ;

Но вспомнивъ нѣжный Богъ, въ жару своихъ желаній,
 Всю щещность, наконецъ, сихъ лесныхъ упованій,
 Всю гибель Душеньки, спрожайшимъ ей судомъ
 Грядущую пошомъ,
 Умбрилъ спрасъ свою, вздохнулъ, остановилъ,
 И къ Душенькѣ съ высотъ во славъ онъ спустился;

Предсталъ ея очамъ,
 Предсталъ . . . и такъ, какъ Богъ, явился
 Но въ угожденіе Венерѣ и Судьбамъ,
 Воззрѣвъ на Душеньку суровыми очами,
 И, будто жалости не вѣдая во вѣкъ,
 Онъ гнѣвнымъ голосомъ, съ презоромъ, произрекъ
 Ошнынъ участь ей предписану Богами:
 »Имѣй—сказалъ онъ ей—ошнынъ госпожу,
 »Ошнынъ будешь ты Венериной рабою;
 »Ей Боги дали власть повелѣвать тобою
 »Но злобныхъ сестръ твоихъ я болѣ накажу.«

»Амуръ! Амуръ!« опяшь Царевна возгласила. . . .
 Но онъ при сихъ словахъ,
 Не внемля, что она прощенія просила,
 Сокрылся въ облакахъ,
 Сокрылся, и пошомъ въ небесный пушь пустился,
 И болѣ не явился.

Болшливы Эхи дальнихъ мѣстъ,
 Которы, можешь быть, наукой ошъ Венеры,
 Подслушивали рѣчь изъ ближней шамъ пещеры,
 И видѣли его свиданье и ошвѣздъ,
 Впослѣдокъ разнесли такую въ міръ огласку,
 За былъ или за сказку,
 За правду иль прилогъ,
 Что будто, чувствуя жестокую ожогу,
 Амуръ прихрамывалъ на раненую ногу,
 И будто бы сей Богъ,
 Сбираясь къ небесамъ въ обратную дорогу,

Лучемъ своимъ и самъ Царевну опалилъ,
 И множество древесъ симъ жаромъ повалилъ.
 Но какъ то ни было, любви нѣжной сила,
 Иль паче нѣкая невидимая власъ,
 Умноживъ люшую Царевнину напасъ,
 Умножила ея мучительную спрасъ;
 Супружню всю она суровость позабыла,
 И всѣхъ надеждъ лишасъ, тѣмъ болѣ любила
 Супруга, коего безумно оскорбила.

Чего ей ждашь тогда осталось отъ Небесъ?
 Проливъ въ ошчаяны потоки горькихъ слезъ,
 Наполнивъ воплями окружный долъ и лѣсъ,
 »Прости, Амуръ, прости!« Царевна вопіяла;
 И въ томъ же часъ лихой,
 Узрѣвъ бездонную тамъ пропасть подъ горой,
 Съ вершины бросишься въ ту пропасть предпріяла:
 Пошла, заплакала, съ плащомъ на глазахъ,
 Вздохнула, ахнула, и бросилась въ размахъ.

Амуръ оставилъ ли Зефировъ безъ наказа,
 Велѣлъ ли Душеньку сшеречь на всѣхъ горахъ:
 Чишашель можетъ самъ увидѣть то въ дѣлахъ.
 Въ томъ часъ и въ томъ моментъ, усердный Скоромахъ,
 Зефиръ, старинный другъ при аерныхъ пусяхъ,
 Увидѣвъ Душеньку въ шоль видимыхъ бѣдахъ,
 Не ждавъ себѣ о томъ особаго приказа,
 Оставилъ всѣ дѣла въ высонихъ небесахъ,
 Тряхнулъ крыломъ, порхнулъ при разѣ,
 И Душеньку тогда, лешящую на низъ,
 Прикрылъ воскрилемъ своихъ воздушныхъ ризъ

Отъ всякой наглости толпы разносторонной,

Какъ должно подхвалилъ,

Какъ должно ошдалилъ

Отъ пропасти бездонной,

И тихо положилъ

На мягкихъ муравахъ долины благовонной.

Онъ воздухъ тихимъ шамъ дыханьемъ разтворилъ,

Бореямъ дерзкимъ душъ надъ нею запрешилъ,

И долго прочь не отходилъ,

Забывъ свою любезну Флору;

Скорбѣлъ, что скоро пушь свершилъ,

Что долго Душенькѣ не могъ служить въ подпору.

Увидѣвъ шамъ она себя на муравахъ,

Невѣдомыми ей судьбами,

И кушъ яминный въ головахъ,

Межъ разными вокругъ цвѣтами,

Такую истину сперва за сонъ почла;

И щупала себя, въ сомнѣніи и въ дивѣ,

И долго вѣришь не могла,

Чтобъ, кинувшись, была

Еще на свѣшѣ вживѣ.

Забывшись пошомъ,

Заснула крѣпкимъ сномъ:

Но видѣла въ снѣ, что было съ ней доселѣ,

Худое, доброе на дѣлѣ,

Супруга на горѣ, иль спящаго въ постелѣ,

Иль грозную его разгнѣванную мать:

Историки о томъ забыли написать;

А только дали знашь,

Чшо Богъ Амуръ надъ нею
 Велѣлъ тогда лешать,
 Снодѣтелю Морфею,
 И сномъ продлишь ея покой,
 Зефира отославъ домой.
 Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, что сонъ и вся наша
 Въ то время правились указами Амура.
 Амуръ, который зрѣлъ Царевны скорбь и трудъ,
 Амуръ, содѣтель чудъ,
 Легко содѣлашь могъ, чшобъ Душенька уснула,
 И сномъ бы отдохнула;
 И можешъ бышь она, возненавидѣвъ свѣтъ,
 Къ небытію была влекома въ сей пусшынѣ,
 Какъ узникъ иногда, уславъ отъ мунъ и бѣдъ,
 Чрезъ сонъ старается приблизиться къ кончинѣ.
 Но какъ бы ни было, по нѣсколькихъ часахъ,
 Влюбленный Купидонъ, не спя на небесахъ,
 И охраняючи несчастную супругу,
 Грѣшилъся прекрашитель Морфееву услугу.
 Проснулась Душенька, открыла томный взоръ.
 Но, вспомнивъ свой позоръ,
 Глаза отъ свѣта отворачивала,
 Цвѣты и травы вновь слезами орошала,
 И камнямъ и лѣсамъ унывно возвѣщала,
 Чшо болѣ жить она на свѣтѣ не желала.
 »Не буду долѣ жить!
 »Приди, о Смерть, ко мнѣ, приди!« она вопила;
 Но Смерть, хошя ее Царевна шоропила,
 Отказывалась ей по должности служишь.
 Курносо чучело съ плѣшивой головою,

Отъ вида коего шрепещеѣ всяка площь,
 Явилось къ ней тогда съ предлинною косою:
 Но только лишь шраву косиѣ или полошъ,
 Гдѣ Душенька могла ступеньки поколошъ,
 Увидѣвъ, наконецъ, что Смершъ отъ ней бѣжала,
 Насильно Душенька скончашъ свой вѣкъ искала:

»Зарѣжуся!« вскричала;
 Но не было у ней кинжала,
 Ниже другаго оспрія,
 Удобнаго пресѣчь нещаснѣ жизнь ея.
 Чишашель вѣдаешъ, безъ всякой дальней справки,
 Чшо Душенька предъ симъ,
 Леша съ горы на низъ, повышрясла булавки,
 Чудеснымъ дѣйствіемъ иль случаемъ, простымъ.

Въ сей крайности она, не размышляя болѣ,
 Искала камней въ полѣ,
 И острый камень какъ нибудь
 Вонзишъ себѣ хошѣла въ грудь.
 Казался край тогда ея нещасной долѣ,
 Нашлися остры камни шамъ;
 Но Душенька велась не къ смерши, къ чудесамъ:
 Лишь только возмешъ камень въ руки,
 То камень прешворишся въ хлѣбъ,
 И вмѣсто смершнаго успокоенья муки,
 Являешъ ей припасъ снѣдаемыхъ пошребъ.
 Когда же смершъ ошнюдь ея не хочешъ слушашъ,
 Хошъ свѣшъ ей былъ пошылъ,
 Пошребно было ей, ко укрѣпленью силъ,
 Ломошикъ хлѣбца скушашъ.

Пошомъ, смотря на лѣсѣ, на пропасти безъ дна,

На небо и на шравку,

И вновь смотря на лѣсѣ, умыслила она

Другую смерть себѣ, а именно: удавку.

Въ старинны времена

Такая смерть была почтена и честна.

У Турковъ и поднесъ за смерть блаженну ставяшъ,

Когда кого за грѣхъ не рѣжущъ, а удавяшъ.

Нерѣдко Визири и главные въ полкахъ,

И сами шамъ Сулшаны,

За собственны свои или другихъ обманы,

Кончающъ свой живощъ въ ошейныхъ осилкахъ.

Хошяжъ въ другихъ мѣстахъ

Не ставяшъ въ честь удавку,

И смертию шаковой казняшъ однихъ плутовъ:

Но ищущій конца на всяку смерть готовъ,

И Душенькина смерть не шла въ позоръ и въ явку.

Желала бы она

Скончаться лучше ядомъ;

Но вся сія страна,

Гдѣ смерть была запрещена,

Казалась райскимъ садомъ;

Казалась сошворена

Для пользы иль веселья,

И щещно былобъ шамъ искашь лихова зелья.

Равно же изгнанъ былъ оштолъ всякой гадъ,

Въ какомъ бываетъ ядъ.

И такъ нельзя дивиться,

Чшо Душенька тогда хотѣла удавиться.

А гдѣ, и чѣмъ, и какъ,

По многимъ повѣстямъ остался вѣрный знакъ:

Вблизи тамъ росъ дубнякъ,

И были тамо дубы

Высоки, толсты, грубы.

На Душенькѣ тогда былъ аленькой плашокъ,

Который съ бѣлыхъ плечъ спускался возлѣ бока.

Нещасна Душенька, не въ многія минушы,

Неся на смерть красу,

Явилася въ лѣсу;

Не въ многія минушы,

Кончая скорби люты

И плачась на судьбу,

Явилась на дубу.

Тамъ, выбравъ крѣпкій сукъ, послѣдній шагъ сступила,

Свой аленькой плашокъ, какъ должно, прицѣпила,

И въ пещю Душенька головушку вложила:

О чудо изъ чудесъ!

Пошряся долъ и лѣсъ!

Дубовый сукъ, на чемъ Царева дочь повисла,

Съ почтеніемъ къ ей прекрасной головѣ

Погнулся такъ, какъ пруть, изросшій въ вѣщи числа,

И здраву Душеньку поставилъ на шравѣ;

И всѣ тогда суки, на низъ влекомы ею,

Иль сами волею своею,

Шумѣли радостно надъ нею,

И, сѣдиняючи концы,

Свивали разны ей вѣнцы.

Одинъ лишь наглый сукъ за плащъ зацѣпился,

И Душенькинъ покровъ въ верьху осшановился.

Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ

Другое чудо изъ чудесъ;

И горы вскрикнули, шоль громко, какъ возможно,
Чшо Душенька была прекраснѣй всѣхъ неложно;
И самъ Амуръ тогда, смошря изъ облаковъ,
Ихъ рѣчи ушвердилъ, любуясь безъ словъ.

Межь тѣмъ, какъ Душенька въ живущихъ ошавалась,
Какъ бышностью ея нашура красовалась,
Представился еще ей новый смерши родъ,
Которымъ чаяла окончишь свой животъ:

Не могши къ дубу прицѣпиться,
Она рѣшилась утопиться.

Рѣка

Была недалека.

Тамъ, съ берега крушова,

Гдѣ дно скрывалось подъ водой,
Въ слезахъ, не вымолвивъ ни слова,

На смерть пусшилась снова:

Но вдругъ, прошивною судьбой,

Побѣхала она на щукѣ шехардой;

И, бѣхавъ шамъ поверъхъ лѣущейся дороги,

Мочила Душенька лишь шольно хвостъ и ноги.

Къ храненію ея прибавленъ былъ конвой:

Другія шущъ же щуки,

Наукой ошъ Боговъ, иль просто безъ науки,

Собравшись, какъ должно, въ спрой,

Ошъ всякихъ случаевъ Царевну ограждали,

И въ пущъ съ плесканиемъ ее препровождали.

Иные говоряшъ,

Чшо будшо вмѣсто щукъ шамъ видѣли Наядъ,

Что тамъ Наяды эскадрономъ
 Явились къ Душенькѣ съ поклономъ;
 Не знаю правды то, лишь нѣтъ сомнѣнья въ ономъ,
 Что нѣкія тогда изъ сихъ Наядъ, иль рыбъ,
 Которыхъ родъ съ рѣкой отъ времени погибъ,
 Бывъ нѣкогда въ раю подъ щасливымъ закономъ,
 За Душенькою вновь спѣшили въ слѣдъ догономъ,
 Въ шаринномъ ихъ строю,
 Признавъ въ ней прежнюю владычицу свою:
 Забывъ, что Богъ прекрасна рая,
 Съ тѣхъ поръ, какъ райску жизнь въ ничто преобразилъ,
 Ихъ будто бы за грѣхъ карая,
 Служишь на волю распустилъ.
 Несчастна Душенька, сколь много ни старалась
 Въ рѣчномъ потокѣ утонуть,
 Но щукою неслась благополучно въ пушь,
 И съ берега она къ другому добиралась,
 Гдѣ щещно жизнь, пошомъ, кляла,
 И щещно снова Смерть звала;
 На зовъ пловучій сонмъ вопилъ единогласно,
 Что Душенька въ бѣдахъ,
 Безъ пользы и напрасно
 Спрямишся кончишь жизнь въ водахъ;
 Что Боги пусть продлятъ ея прекрасны годы,
 И что ее на смерть ошнюдь не примутъ воды.
 Осшался, наконецъ, одинъ лишь смерти родъ,
 Который Душенька еще не испытала:
 Еще себя она надеждою пишала,
 Что, можешь быть, огнемъ скончаешь свой живошъ,

Вдали у берега шамб нѣкой дымб курился:
 Ко смерши новый пущь ошкрылся,
 И Душенька пошла на дымб;
 И случаемб тогда, видущимб иль слѣпымб,
 Нашла себѣ дрова, раскладенныя въ ямб,
 Горящія во пламб.
 Хозяинб оныхб дровб
 Былб старый рыболовб;
 Въ ладѣб своей на ловб
 Ошѣхалб вдаль въ то время.
 Царевна жизни бремя
 Легко могла пресѣчь:
 Могла себя шамб сжечь,
 Въ пустомб и чистомб полб,
 На самой полной волб.
 Никщо бы вышацишь не могб ее ошполб,
 Когда бы Небеса,
 Ошб смершнаго часа
 Ее не ошдалили,
 И новы чудеса
 Надб ней не сошворили.
 Она, сказавб ко всѣмб прощательную рѣчь,
 Лишь только бросилась во пламенную печь,
 Какб вдругб невидимая сила
 Подб нею пламень погасила.
 Мгновенно дымб изчезб, огонь и жарб потухб,
 Остался лишь въ кострѣб пошребный теплый духб,
 За шѣмб, чшобб Душенька шамб ножки осушила,
 Кошорыя въ водѣб недавно замочила.
 Узрѣвб себя она безвредну на дровахб,

Вскричала громко: ахъ!
 Сей гласъ раздался на волнахъ:
 Восколебались шамо воды,
 Всплеснулись рыбъ различны роды,
 Ввернулася шрижды вкругъ
 Ладья у рыболова;
 И все то стало в другъ
 Отъ Душенькина слова.

Не знаю волеюль, на сей внезапный крикъ,
 Въ ладѣ своей сшарикъ
 Назадъ стремился къ бѣгу,
 Иль чудомъ въ верхъ воды несло его ко берегу;
 Но знаю, что пошомъ вскруженный сшарый дѣдъ
 Взглянулъ на близъ своей повѣши,
 Забылъ преклонность поздныхъ лѣтъ,
 Пустилъ изъ рукъ рыбацьи сѣти.
 Прыгнулъ изъ лодки ко дровамъ,
 И палъ къ Царевнинымъ ногамъ;
 Хоша не вѣдалъ съ нею чуда,
 Ни кто она была,
 За чѣмъ туда пришла,
 Какимъ пушемъ, откуда.

»О праотецъ земныхъ родовъ,
 »Иль сынъ, конечно, праощцовъ!«—
 Царевна къ сшарцу вопіяла—
 »Ты помнишь бышность всѣхъ временъ
 »И всякихъ въ мірѣ перемѣнъ.
 »Скажи, какъ свѣтъ сшойтъ сначала,
 »Вспрѣчалось ли когда кому

»Нещастье равно моему?
 »Я рѣзалась и въ пещю клалась,
 »Топилась и въ огонь бросалась:
 »Но въ горькой участи моей,
 »Прошедъ сквозь огонь, прошедъ сквозь воду,
 »И, всѣми видами смершей
 »Приведши въ ужасъ всю Природу,
 »Противъ желанія живу,
 »Безсмертіе имѣю въ муну
 »И тщешно смерть къ себѣ зову.
 »Подай мнѣ помощи ты руку:
 »Скончай мой вѣкъ, мнѣ свѣтъ пошылъ. «

Но кто ты? старецъ спросилъ.
 »Я Душенька . . . люблю Амура . . . «
 Пошомъ заплакала, какъ дура;
 Пошомъ, безъ дальнихъ словъ,
 Заплакалъ вмѣстѣ рыболовъ,
 И съ ней взрыдала вся Нашура.
 Пошомъ сказалъ ей шомъ же дѣдъ,
 Что смерть она напрасно чаешь,
 Что смерти ей на свѣтъ нѣтъ;
 Но что еще она не знаешь
 Всю строгость ей грозящихъ бѣдъ:
 Что злоба гнѣвной къ ней Богини
 Проникла въ самыя пустыни,
 Что каждому въ примѣръ и въ страхъ,
 Во всѣхъ подсолнечныхъ мѣстахъ,
 Уже ея вины открышы,
 И грамошы о ней прибишы

Въ распушіяхъ и во вратахъ.
 Пришомъ шарикъ ропшалъ въ слезахъ,
 Что злобѣ полускають Боги;
 И, строгую вина судьбу,
 Повелъ Царевну онъ къ столбу,
 Гдѣ ближнія сошлись дороги.
 Тамъ Душенька сама прочла
 Прибитый листъ въ большую мѣру;
 А что она въ листѣ нашла,
 Скажу по почному манеру:

- »Понеже Душенька прогнѣвала Венеру,
- »И Душеньку Амуръ, Венерѣ въ стыдѣ, хвалилъ;
- »Она же Душенька румяны унижаетъ,
- »Мрачитъ передъ собой достоинство бѣлилъ,
- »И всяку красоту повсюду обижаетъ;
- »Она же Душенька, имѣя стройный станъ,
- »Прелестные глаза, пріятную усмѣшку,
- »Богиню красоты не чтитъ и ставитъ въ пѣшку;
- »Она же взорами творитъ сердцамъ извѣдъ,
- »Богиней радишся и носитъ хвостъ въ три пяди:
- »Того или инаго ради,
- »Венера каждому и всѣмъ,
- »О гнѣвѣ на нее своемъ,
- »По должной формѣ, извѣщаетъ,
- »И всяку милость обѣщаетъ
- »Тому, кто Душеньку на срокъ
- »Къ Венерину лицу представитъ.
- »А буде кто ее оправитъ,
- »Прошиву силы оныхъ строкъ,

»Иль буде гдѣ ее укроетъ,

»Иль поводъ дастъ укрыться ей:

»Тотъ вѣкъ грѣха сего не смоешь,

»Ни самой кровію своей.»

Всплеснула Душенька руками,
Прочтя шоль грозныя слова!

»О Боги! видите вы сами!« —

Вопили камни и древа —

»На то ли Душенька жива?

»На шоль одарена красами?

»И чѣмъ виновна передъ вами,

»Когда родилась такова?«

Уже тогда весь міръ чинилъ о ней сыскную,

Весь міръ о ней равно жалѣлъ:

Иной бранилъ Богиню злую,

Другой сыскную драсть хотѣлъ.

Изъ должности одни Цирерскіе пролазы

Твердили по ушрамъ о Душенькѣ приказы,

Которы всякъ пошомъ охотно забывалъ,

И Душеньку, кто могъ, охотно укрывалъ.

Но какъ то ни было, бояся ли пролазовъ,

Бояся ли приказовъ,

Водималъ старикомъ,

Иль собственнымъ умомъ,

Впослѣдокъ Душенька за благо разсудила,

Просить о помощи начальнѣйшихъ Богинь.

Счастливецъбъ она Боговъ о томъ просила,

Но со дня, какъ въ раю Амура полюбила,

Царевна, по народной вѣрѣ,
 Пошла съ прошеніемъ къ Церерѣ.
 Въ тѣ дни собирался хлѣбъ съ полей,
 И хлѣбопашная Богиня
 Тогда у всѣхъ своихъ являлась олшарей;
 Тогда на всѣхъ лилась отъ ней
 Щедроша, милосъ, благосыня;
 Но досхупъ для сего къ Церерину лицу
 Дозволенъ только былъ жрецамъ или жрецу,
 И кто къ Богинѣ шелъ, для прозьбы иль вопроса,
 Не могъ услышанъ бытъ безъ жершвы и приноса;
 А Душенька была въ то время всѣхъ бѣднѣй,
 И не было тогда у ней
 Ощцовскихъ денегъ, ни перстней.
 Возненавидѣвъ жизнь, какъ знають всѣ, дурила,
 И добрымъ людямъ ихъ дорогой раздарила.
 Остался у нее пасхушій сарафанъ,
 Который былъ ей данъ
 Разумнымъ рыболовомъ,
 Чшобъ въ семъ нарядѣ новомъ
 Укрыть ее отъ бѣдъ, хотя черезъ обманъ;
 Осталась красоша, о коей всѣ шрубили;
 Но красоты чужой Богини не любили,
 И, имъ послѣдую жрецы, извѣстно шо,
 Ошмѣнный даръ красотѣ вмѣняли ни во чшо.
 Жрецы тогда ее, до будущаго лѣша,
 Ошправили ошшоль безъ всякаго ошвѣша.
 Въ сей скорби Душенька, привыкши въ даль ходишь,
 Минерву чаяла на жалосъ преклонишь.

Богиня мудроси шога на Геликонѣ
 Имѣла съ Музами ученѣйшій совѣтъ
 О страшномѣ нѣнакомѣ наклонѣ
 Бродящихъ близъ земли комешъ,
 Которы долгими хвостами
 Трясли надъ многими мѣстами,
 И Аполлоновѣ пушъ
 Грозили въ мѣръ запнушъ.

На все же, что шога Царевна представляла,
 Безъ всякой жалоси Богиня ошвѣчала,
 Чшо мѣръ безъ Душеньки сшоялъ изъ вѣка въ вѣкъ,
 Чшо въ обществѣ она неважной человѣкъ,
 А паче какъ хвостомъ комеша всѣхъ сшибаетъ,
 На Душеньку шога взирашъ не подобаетъ.

Къ Діанѣ Душенька явишъ не смѣла глазъ:
 Богиня та любви не вѣдала заразъ:
 Со свисой чистыхъ дѣвъ, къ свободѣ устремленныхъ
 Въ невинной вольности, нося колчанъ и лукъ,
 Пускаясь быстро въ бѣгъ, любя проворство рукъ,
 Гонялась за звѣрьми въ пущыняхъ ошдаленныхъ.
 Никшо ея еще не нарушалъ забавъ,
 Еще не видѣла она Ендиміона,
 И строгостью себѣ предписанна закона
 Лишилабъ Душеньку всѣхъ милосшей и правъ.

Куда иди? Ещель къ Минервѣ иль Церерѣ?
 Поплакавъ Душенька, пошла къ самой Венерѣ.
 Провѣдала она, бродя по сторонамъ,
 Чшо близко отъ пуши, въ пріятнѣйшей долині

Стоялъ извѣстный храмъ,
 Съ надвратной надписью: »Прекраснѣйшей Богинѣ.«
 Нерѣдко въ сихъ мѣстахъ утѣхъ всеобщихъ мать,
 Мірскихъ суешъ слагая бремя,
 Любила ошдыхашъ.
 Туда отъ разныхъ странъ народъ, во всяко время,
 Толпой стекался воздыхашъ.
 Иные шли шуда Богиню прославляшъ,
 Другіе къ милостямъ признаніе являшъ,
 Другіежъ ихъ просятъ, иль просто погуляшъ.
 Но Душенька, въ сіе сшеченіе народа,
 Избравъ тишайшій часъ
 И вроясь всячески отъ всѣхъ сшороннихъ глазъ,
 Со шрепешомъ рабы шуда искала входа.
 Одною лишь въ бѣдахъ
 Надеждой утѣшалась,
 Чшо, можешъ бышь она, хошь вольности лишалась,
 Увидитъ въ сихъ мѣстахъ
 Съ Венерой Купидона
 И, забывая сшрахъ
 Къ ней сшрогаго закона,
 Вдавалась въ сладости различныхъ лесшныхъ думъ,
 Какими упоенъ бываешъ сшрасшный умъ.
 Въ сихъ мысляхъ Душенька приближилась ко храму,
 И шамъ, задумавшись, едва не впала въ яму,
 Куда, отъ разныхъ жершвъ, за дворъ
 Смешался въ кучу всякой соръ.
 Но впрочемъ всѣ мѣста казались тамо сшадомъ,
 И благовонная шамъ падала роса
 На миршу, на лимонъ, на всяки дрешеса,
 И храмъ курился вокругъ душистымъ всякимъ чадомъ.

По сказкамъ знаютъ всѣ, что шелковы луга,
 Сышовая вода, кисельны берега,
 Богинѣ красоты всегда принадлежали,
 И по долинь тамъ дороги окружали.

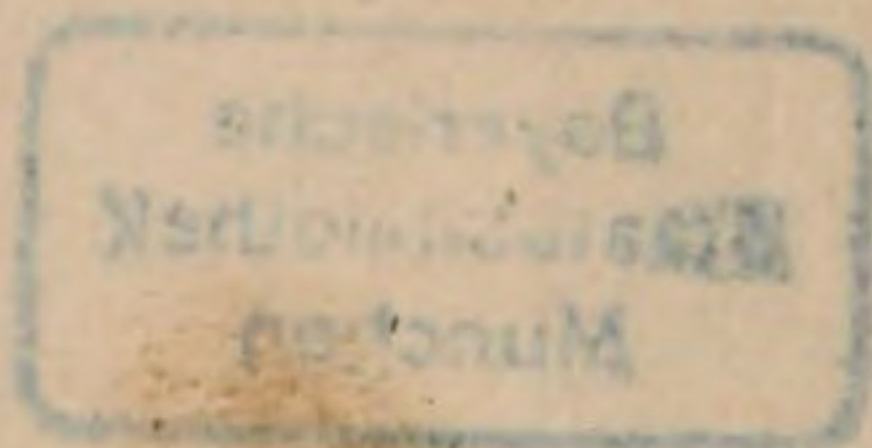
Издравлѣ Богъ войны
 Далъ строгой всѣмъ приказъ, въ угодность сей Богинѣ,
 Чшобъ вѣчно въ той долинь
 Трубы военной звукъ не рушилъ тишины.

Тамъ самы дики звѣри
 Къ овцамъ ходили въ двери;
 А овцы, позабывши страхъ,
 Гуляли съ ними на лугахъ,
 И съ самой вольной простою
 Пишались киселемъ съ сышою,
 На вѣки въ животѣ,
 Въ здоровьи, въ красотѣ.

Живуща шварь не убивалась,
 Насильствомъ кровь не проливалась,
 Невѣдомъ былъ тамъ жалобъ гласъ,
 И вся Природа, всякой часъ,
 Согласіемъ сочешавалась.

Въ срединѣ сихъ луговъ,
 И водъ и береговъ,
 Богининъ храмъ стоялъ межъ множества столповъ.
 Сей храмъ отъ всѣхъ сторонъ являлъ два разныхъ входа,
 Особо для Боговъ,
 Особо для народа.

Преддверія, врата, и храмъ, и олшари,
 И каждая ихъ часть, и каждая фигура,
 И обще вся архитектура,

Снаружи и внутри,
 Изображали видъ игриваго Амура,
 Иль видъ забавъ и шоржества
 Властишельнаго шамъ прекрасна божества.
 Венеры чудное рожденіе изъ пѣны,
 И всяка съ нею была пріятная въ чертахъ,
 Особо видѣлись въ картинахъ и въ коврахъ,
 Какими изнутри покрыты были стѣны.
 Во внутренности шамъ различныхъ олшарей
 Различны дани приносились,
 Отъ всѣхъ наукъ, отъ всѣхъ искусствъ, и всѣхъ зашѣй
 И знатныхъ и простыхъ людей,
 Которы всѣ въ число достойнѣйшихъ просились.
 Иной, желая пріобрѣсть,
 Любовью къ нѣкой Музѣ, честь,
 И данью убѣдишь любовницу скупую,
 Привѣсилъ во углѣ цѣвницу золошую.
 р у гѣй, себѣ избравъ,
 По праву иль безъ правъ,
 Въ любовницы Палладу
 И чшяся получить лавровъ вѣнецъ въ награду,
 Привѣсилъ ко столбу
 Серебряну трубу.
 Иной, ища любви несклоннѣйшей Алкмены,
 Во храмъ распестрилъ живымъ письмомъ всѣ стѣны.
 Но дани приносимы въ храмъ,
 Не по богатству иль чинамъ,
 Могли казаться тамо къ сташи;
 И часто шамъ простой пасшухъ,
 Неся Богинѣ въ дань усердный только духъ,

Предпочишаемъ былъ блистательнѣйшей знаши.

На среднемъ олшарѣ,
Подъ драгоцѣннѣйшимъ отверстымъ балдахиномъ,
Стоялъ Богининъ ликъ, особымъ нѣкимъ чиномъ,
Во всей порѣ,

Во всей красѣ и въ полной славѣ,
Въ подобной, какъ она на нѣкакой горѣ
Явилась, въ прежни дни, въ Парисовой расправѣ,
И споръ между Богинь рѣшила красошой.
Сей ликъ былъ, нѣкою чудесною рукой,

Изъ мрамора изсѣченъ,
И послѣ въ образецъ художества примѣченъ.
Носился въ мірѣ слухъ, что будто Пракситель

Ошшуда взялъ модель,

И, шочно по примѣру,

Явилъ намъ въ первый разъ во всей красѣ Венеру.
Никто изъ вшедшихъ въ храмъ не могъ, или не смѣлъ,
Не преклонялъ колѣнъ предъ симъ прекраснымъ ликомъ,
И каждый, какъ умѣлъ,
Богинѣ гимны пѣлъ,

Въ усердіи глуша одинъ другаго крикомъ.

Надъ храмомъ извивался рой
Амуровъ, Смѣховъ, Игръ, Зефировъ,
Которы, всякою порой,

Туда слезались отъ всѣхъ возможныхъ міровъ.

Въ лешучемъ ихъ строю,

И тѣ при храмѣ были,

Которые въ раю

При Душенькѣ служили.

Въ сей часъ они опять, надъ прежней госпожой

Въ невѣдѣннѣ лешали,
 Рѣзвились и журчали;
 Но Душенька тогда, подѣ длинною фашой,
 Подѣ длиннымѣ сарафаномѣ,
 Для всѣхѣ была обманомѣ;
 Вошла во храмѣ съ толпою въ рядѣ,
 И стала къ сторонѣ у самыхѣ первыхѣ вратѣ.

Отѣ робосшилѣ она сихѣ мѣстѣ не примѣчала,
 Иль, помня прежнюю блаженну жизнь свою,
 Когда сама была Богинею въ раю,
 Полками разныхѣ слугѣ сама повелѣвала,
 И пѣсни и хвалы сама отѣ всѣхѣ слыхала,
 Сей храмѣ на послѣди за рѣдкость не считала,
 Чишашель можешѣ то рѣшишѣ по волѣ самѣ.
 Но въ храмѣ лишѣ едва лице свое открыла,
 Въ минушу на себя всѣхѣ очи обратила:

Возволновался храмѣ,
 Умолкли гимны шамѣ,
 Пресѣклись жерштѣ приносы,
 И всюду слышались лишѣ вѣсти иль вопросы.

Я прежде не сказалѣ,
 Что весь народѣ Венеру,
 Въ сей день, по слуху, ждалѣ
 Изѣ Пафоса въ Цитеру.

По видужѣ Душеньки, согласно весь народѣ,

Одинѣ другому въ рошѣ,
 Шепшалѣ за новы вѣсти:

»Венера здѣсь тайкомѣ! . . .
 »Бѣжишѣ отѣ всякой чесши! . . .

»Венера за столбом! . . .

»Венера подъ плашком! . . .

»Венера въ сарафанѣ! . . .

»Пришла сюда пѣшком! . . .

»Во храмъ вошла тишкомъ! . . .

»Конечно съ пастушкомъ! . . .»

И весь народъ, въ обманѣ,
Предъ Душенькою вдругъ колѣна преклонилъ.
Жрецы, со множествомъ курящихся надилъ,
Воздѣвъ умильно длани,
Просили Душеньку принять народны дани,
И съ милостью возрѣшь
На всяки нужды впредъ.

Въ сіе волненіе народа,
Возникла вдругъ молва у входа,
Что истинная шамъ Богиня всѣхъ красотъ,
Ведя съ собою вокругъ Амуровъ хороводъ,
Имѣя яблоко Парисово въ десницѣ,
Со всею славою, въ блестящей колесницѣ,
Сама изъ Пафоса ко храму прибыла,
И вдругъ при сей молвѣ Венера въ храмъ вошла.
Но кто представитъ живо,
Въ словахъ или чертахъ,
Богининъ гнѣвъ, народный страхъ,
И общее во храмѣ диво,
И болѣ Душеньку въ невинномъ торжествѣ
При самомъ храма божествѣ.
Вошше Царевна тушъ всѣхъ обще увѣряла,
За чѣмъ туда пришла,

И кто она была:

Большая часть людей отъ ней не ошсавала,
Забывъ, что въ храмъ сама Венера прибыла.

Богиня, сбвв на шронъ, и скрывъ свою досаду,

Колико скрышь могла,

Осшавила въ сей день другія всѣ дѣла,

И шотъ же часъ приказъ дала,

Представитъ Душеньку во внутренню преграду.

»Богиня всѣхъ красотъ! не сбшуй на меня!» —

Рекла къ ней Душенька, колѣна преклоня —

»Я сына швоего прельщать не умышляла;

»Судьба меня, Судьба во власъ къ нему послала.

»Не я ищу людей, а люди въ слѣпотѣ

»Дивятся завсегда малѣйшей красотѣ.

»Сама искала я упасъ передъ тобою,

»Сама желаю бытъ швоею я рабою,

»И въ милость только то прошу себѣ напредъ,

»Чшобы всегда могла швои я очи зрѣтъ.»

Я знаю умыслъ швой — Венера ей сказала —

И шотчасъ, кончивъ рѣчь,

Съ Царевной къ Пафосу отбѣхашъ предпріяла;

Пришомъ съ насмѣшкой приказала

Въ пуши ее беречь.

Сажаятъ Душеньку въ особу колесницу,

Запрягши въ пушь сорокъ станицу;

А для бесѣды съ ней, какъ будто ей чеша,

Садяшся шутъ же рядомъ

Чешыре Фуріи, изверженныя адомъ:

Коварство, Ненависть, Хула и Клевеша.

Осшавимъ разговоръ сихъ Фурій ухищренныхъ,

И скажемъ, наконецъ, въ какимъ трудамъ она

Венерой въ Пафосѣ была осуждена,

При разныхъ службахъ повелѣнныхъ.

Изъ многихъ дѣлъ и словъ,

Въ умахъ напечатлѣнныхъ,

Извѣстно мщеніе Боговъ,

Во гнѣвѣ раздраженныхъ.

Черѣдко сильные, пріавъ на небѣ власть,

Безсильныхъ поборали,

Чернили и марали,

И все, что только бы могло предъ ними пасть,

Ногами попирали.

Въ счастливѣйшихъ вѣнахъ

Конечно нѣтъ примѣра

Такому мщенію, какое, всѣмъ во страхъ,

Прошиву Душеньки умыслила Венера:

Умыслила свою умножить красоту,

А Душеньку привестъ сколь можно въ дурноту,

Чтобъ всѣ отъ Душеньки впослѣдокъ отвращались,

И только бы одной Венерою прельщались.

Не знаю, въ первый день, иль лучше въ перву ночь,

Довольная своею жертвой,

Богиня въ мщеніи послала Царску дочь

Принестъ чрезъ три часа воды живой и мершвой.

Извѣстенъ весь народъ

О дѣйствѣ оныхъ водъ:

Кто первую попьетъ — здоровье получаетъ,
 Вшорую кто попьетъ — здоровье потеряетъ;
 Но въ симъ водамъ лишь тошъ доходитъ, кто щасшливъ.

Пошла Царева дочь, тогда безъ дальня чина,

Какъ должно, прицѣпивъ

Подъ плечи два кувшина,

Пошла на всѣ труды,

Искать такой воды.

Пошла: куда? И кто съ ней будетъ провожаемымъ?

Амуръ во всѣ часы ея напасти зрѣлъ,

И тотчасъ повелѣлъ

Своимъ слугамъ крылашимъ,

Поднять и перенестъ Царевну въ тошъ удѣлъ,

Гдѣ всяки воды прошекаютъ,

Мертвятъ, цѣлятъ и помогають.

Зефиръ, который шумъ, по склонности, прильнулъ,

Ей на ухо шепнулъ,

Что воды окружаетъ

Большой и толстой змѣй, свернувшись вкругъ кольцомъ,

И никого ошнудъ въ водамъ не допускаетъ,

Какъ развѣ напоитъ кто змѣя пищею.

При семъ ее снабдилъ онъ нѣкакою флягой,

Которую велѣлъ, являсь туда съ отвагой

И змѣю рѣчь сказавъ, въ змѣино горло влить.

Когдажъ на пищею свою онъ пасъ разинетъ,

Онъ голову съ хвостомъ легко пошомъ раздвинетъ,

И Душенька найдетъ себѣ свободный путь,

Живуюль, мертвуюль шамъ воду почерпнуть.

Не въ долгомъ времени Царевна путь скончала:

Чрезъ нѣсколько минутъ явилася у водъ,

И вспомнивъ весь совѣтъ, предъ змѣемъ рѣчь сказала,
 Кошору выдала впослѣдокъ и въ народъ:

»О змѣй Горыничъ Чудо-Юда!
 »Ты сытъ во всяки времена,
 »Ты ростомъ превзошелъ слона,
 »И видомъ краше ты верблюда;
 »Ты всяку здѣсь имѣешь власъ;
 »Блещишь злыми чешуями,
 »Широко раззѣваешь пасть,
 »И можешь всѣхъ давить когтями.
 »Содѣлай край лихимъ бѣдамъ,
 »Пусси ты Душеньку къ водамъ.«

Хвалы и шишулы плѣняють всяки уши,
 И движущая отъ нихъ жестоки самы души:
 Услышавъ похвалы отъ женскаго лица,
 Горыничъ пасть разинулъ,
 Хлебнулъ изъ фляги пищеца,
 Заснулъ, и голову съ хвостомъ тогда раздвинулъ.
 Ошкрылись разныхъ водъ и рѣки и пруды:
 Въ свободѣ Душенька, попивъ живой воды,
 Забыла всѣ шруды
 И вдругъ здоровѣй сшала.
 Въ ней нова красота въ то время возблисшала,
 И къ умноженью лишь соперницъ досадъ,
 Съ водой она являсь назадъ,
 Предъ ней какъ роза процвѣшала.
 Впослѣдокъ Душеньку Богиня умышляла
 Заставить мершву воду пишь;

Но просто случаемъ, иль чудомъ, можешъ бышь,
 Кувшинъ съ лихой водой разбился,
 И умыслъ въ дѣло не годился.

Богиня видѣла изъ шаковыхъ чудесъ,
 Что помощь Душенька имѣетъ отъ Небесъ,
 Или, точнѣй сказать, отъ самого Амура;
 Но вѣсно было ей,
 Что пагубой людей
 Обилуетъ Нашура:

Послала Душеньку еще въ другой походъ,
 Въ надеждѣ, что она скончаетъ тѣмъ животъ,
 Или хошь будешъ жишь, но будешъ безъ красотъ.

Въ саду, гдѣ жили Геспериды,
 Читашель вѣдаешъ, что нѣкогда росли
 Злашья яблоки, иль просто злашовиды,
 И сей чудесный садъ драконы сберегли.
 Въ томъ самомъ иль въ другомъ саду, въ близи Атласа,
 Жила на послѣди Царевна Перекраса.
 Пошомству всѣ ея невѣдомы дѣла;
 Но всякъ о томъ слыхалъ, что подлинно была
 Сихъ чудныхъ мѣстъ она Богиня иль Царица,
 И въ сказкахъ на Руси слыла,
 Какъ всѣмъ извѣстно, Царь-Дѣвица.

О красотѣ ея имѣетъ весь народъ
 Изъ повѣстей доводъ:
 Злашья яблоки она по вся-дни ѣла,
 Извѣстно, что отъ нихъ краснѣла и добрѣла;
 Но ради страховъ шамъ и трудностей дорогъ,

Коснушься къ яблокамъ нишо другой не могъ.
 Хошь не было тогда драконовъ шамъ, ни змѣя,
 Однако садъ сей былъ подъ стражею Кащей,
 Который самъ, какъ стражъ, въ немъ яблокъ не вкушалъ
 И никого ошнюдь ихъ бсть не допускалъ,
 А ешлы приходилъ кто яблокъ сихъ покушашъ,
 Тотъ прежде долженъ былъ его загадки слушашъ;
 Когда же кто не могъ загадокъ ошгадашъ,
 Того, изжаривши, обыкъ онъ послѣ жрашъ.
 Венера, вѣдая сихъ строгихъ мѣстъ законы,
 По коимъ властвуютъ Кащей или драконы,
 Послала Душеньку тѣхъ яблокъ доставашъ.
 Зефиръ явилъ ей вновь потребную услугу,
 И чтобъ холодный вѣтръ не могъ ее встрѣчашъ,
 Пустился съ ней въ сей путь по Югу;
 Шепнулъ ей на ухо, какую рѣчь сказашъ,
 Какъ должно на вопросъ Кащею ошвѣчашъ,
 Пошомъ подъ деревомъ подспавишь только полу,
 А яблоки тогда скачашся сами къ долу,
 И можно будешъ ей тогда, оставивъ садъ,
 Съ добычею лешѣшь назадъ,
 И яблокъ золотыхъ вкусишь по произволу.

Не въ долгомъ времени, не въ день, въ единый часъ,
 Явилась Душенька къ Кащею взять приказъ;
 Поклонъ, какъ должно, сошворила;
 Какъ должно, рѣчь проговорила;
 Но свѣшу рѣчи сей,
 Ниже того, что ей
 Загадывалъ Кащей,

Она не сообщила.

Извѣстны только намъ послѣдственны дѣла,
Что службу Душенька вторую сослужила;
Что въ новой красотѣ предъ прежнимъ процвѣла,
И горшія себѣ напасши навела.

Къ успѣху мщенія, пришло во умѣ Богинѣ,
Ошправитъ Душеньку съ письмомъ ко Прозерпинѣ,
Велѣвъ искашь самой во Адѣ себѣ пути,
И нѣкакой ошполь горшечикъ принеси.

Пришомъ нарочно ей Венера наказала,
Горшечка чшобъ она ошнюдь не ошкрывала.

Зефиръ, не мѣшкавъ, далъ полезный ей совѣтъ
Иди въ дремучій лѣсъ, куда дороги нѣтъ;
Сказалъ, что ей въ лѣсу представится избушка;

Въ избушкѣ тамъ сидитъ старушка;

Старушка ей вручитъ волшебный посошокъ,

И ошведетъ ее въ кушокъ;

Въ кушкѣ покажетъ въ низѣ сшупени,

По коимъ въ Адѣ низходящъ тѣни;

И Душенька тогда, лишь сшупитъ девять разъ,

Къ Плутону въ области окончитъ всю дорогу;

А къ безопасности ошъ сшраховъ, шотъ же часъ

Ошкроетъ на показъ

Свою прекрасну ногу;

И можетъ въ послѣди безсшрашно говорить

Съ Плутономъ, съ Прозерпиной, съ Адомъ,

Письмо вручитъ,

Горшечикъ получишь,

И службу, надлежащимъ рядомъ,

Исправно совершить.

Послѣдуя сему закону,
Пошла Царевна въ лѣсѣ, куда глаза глядѣтъ,
Нашла подземный сходѣ, спустила девять краѣтъ,
Сошла тошчасѣ во Адѣ,
Явилась ко Плутону.

Возволновался мрачный край,
Не ждавѣ посольства отѣ Венеры.
Тризевны въ Таршарѣ Церберы
Распространили страшный лай;
Но Душенька въ сѣю тревогу
Едва открыла только ногу,
Какѣ вдругѣ умолкла адска шварѣ.
Церберы пересшали лаяшѣ,
Замерзлый Таршарѣ началѣ шаяшѣ,
Подземна царства темный Царѣ,
Кошорый возлѣ Прозерпины
Дремалѣ сѣ надеждою на слугѣ,
Смушился тишиною вдругѣ,
Возвысилѣ вокругѣ бровей морщины,
Сверкнулѣ блистаньемѣ ярыхѣ глазѣ,
Взглянулѣ . . . начавши рѣчь, запнулся,
И сѣ роду первый разѣ
Вѣ то время улыбнулся.

Узрѣвѣ шоль сильную посольску полну-мочѣ,
Какую при письмѣказала Царска дочѣ,
А паче на нее воззрѣніе Плутона,
Богиня адска шрона

Велѣла ей скорѣй пресѣчь
 Пристойную на случай рѣчь,
 И по письму вручивъ горшечикъ ей приватно,
 Ее, безъ дальныхъ словъ, отправила обратно.

Царевна, наконецъ, могла бы какъ-нибудь
 Окончить щастливо и сей подземный путь;
 Но другъ ея Зефиръ, сначала,
 Какъ видно, бѣдѣ не предузналъ,
 И ей особо не сказалъ,
 Чшобы горшечка не вскрывала.

Царевна много разъ
 Въ пуши останавливалась,
 Желала видѣть внутрь, и въ тошъ же самый часъ
 Желанію сопрошивлялась.

Напослѣди, смотря и въ стороны и въ слѣдъ,
 И до двора уже не много не дошедъ,
 Венеры заповѣдъ, и гнѣвъ, и страхъ презрѣла,
 Ошкрыла кровельку, въ горшечикъ посмошрѣла.

Оштуда, случаемъ лихимъ,
 Внезапно вышелъ черный дымъ.
 Сей дымъ, за сильной густошою,
 Зефиры не могли ошдушъ;

И бѣлое лицо, и вскрыша бѣла грудь
 У Душеньки тогда покрылись черношою.
 Она сшаралась пылъ плашкомъ съ себя сширать:
 Но чѣмъ при шреніи шрудилася сильнѣе,

Тѣмъ дѣлалася чернѣе,
 Какъ будто бы плашкомъ могла себя марасть.
 Надѣялась пошомъ, хоть какъ-нибудь водою,
 Прошедшую себѣ доставишь красоту;

Но чудною бѣдою,
 Прибавила еще, обмывшись, черноту;
 И къ токамъ чистыхъ водъ когда лице склоняла,
 Они служили ей въ замѣну лишь зеркала:
 Смошрися въ нихъ, лишь вновь увѣрила себя,
 Что темнотой она была подобна сажѣ,
 Иль просто такъ сказать, красу свою сгубя,
 Была Араповъ гаже.

Въ семъ видѣ, Царска дочь
 Стыдилась всякой встрѣчи,
 И, слыша всяки рѣчи,
 Отъ всѣхъ бѣжала прочь.
 Для бѣлыхъ рукъ ея, въ народѣ вышла сказка,
 Что будто бы она таилась отъ людей,
 И будто бы на ней
 Была лишь только маска.
 Иные, ей въ посмѣхъ,
 Давали странный образъ дѣлу,
 И увѣряли всѣхъ,
 Что Боги, будтобъ ей за грѣхъ,
 Арапску голову пришили къ бѣлу шѣлу;
 Простой же весь народъ,
 Любуясь ея и видомъ и осанкой,
 Дивился въ ней еще собранію красотъ,
 И звалъ ее тогда прекрасной Африканкой;
 Но Душенька сей видъ
 Себѣ имѣя въ стыдъ,
 То шею, то лицо плашочкомъ закрывала,
 И въ горести тогда, куда иди, не знала:
 Иди ли ей пошомъ, на смѣхъ и на позоръ,

Обращю въ домъ къ Венерѣ,
 Или къ роднымъ во дворѣ?
 Но можешь ли ихъ взоръ
 За точну Душеньку признашь ее по вѣрѣ?
 Осталось только ей, сокрышь себя тогда
 Въ какойнибудь пещерѣ,
 Гдѣбѣ люди никогда
 Не видѣли ея горчайшаго стыда,
 И шамъ зарышь себя живую,
 Чтобы скорѣе тѣмъ окончить участь злую.

Амуръ жестокость золъ подобно ощущалъ;
 Онъ всѣ ея бѣды иль видѣлъ или зналъ.
 Но для чего ее оставилъ онъ безъ стражи,
 Когда она несла горшечикъ адской сажки?
 Чишашель сей вопросъ рѣшишь, конечно, самъ,
 Угодно было такъ Судьбамъ,
 Угодно было такъ Венерѣ,
 Чтобы Душенька была черна,
 Чтобы Душенька была дурна,
 И скрылась отъ людей въ пещерѣ.
 Амуръ отверженъ былъ въ Цитерѣ;
 И въ небѣ бывъ тогда безъ силъ,
 Бѣду нарочно попустилъ,
 Чтобы тѣмъ обезоружить злобу,
 Котора Душеньку могла привесить ко гробу.

Для рѣдкости сихъ дѣлъ,
 Повсюду міръ шумѣлъ
 О родѣ Душеньки, объ участи, о лѣтахъ,
 О всѣхъ ея примѣтахъ.

Дошла, впослѣдохъ, вѣсть,
 Чрезъ слухъ, иль какъ ни есть,
 Къ сестрамъ ея коварнымъ,
 Что Душенька въ раю, съ супругомъ лучезарнымъ,
 Не долго прожила;
 Что изгнана ошлось за нѣкаки дѣла,
 И что, напоследѣди, скишаяся безъ дѣла,
 Изсохла, подурнѣла,
 И страшно почернѣла.
 Онѣ устроили на случай торжество,
 И громко всѣмъ трубили,
 Что Душеньку вездѣ грѣхи ея губили,
 И что за то ее караетъ божество.

Превратнымъ разумахъ любви существо
 Невѣдомо и странно.
 Сестры Царевны сей,
 Навлекши скорби ей,
 И славя всѣмъ ея пороки безпрестанно,
 Ошнюдь не мыслили, во мранѣ клеветы,
 Чтобъ Душенька, лишась наружной красоты,
 Могла Амуромъ быть любима постоянно.
 Амуръ, дошоль ея напастями отвлеченъ,
 Всѣ мысли устремлялъ къ единому лишь виду,
 Какъ будто бы забылъ ошъ сестръ ея обиду;
 Но наглосъ ихъ, пошомъ, преобращилъ имъ въ казнь:
 На торжество сихъ сестръ нарочнаго ошправилъ,
 Который ошъ него, какъ должно, ихъ поздравилъ,
 Благодаря пришомъ за дружбу и пріязнь,
 Прибавилъ, что Амуръ любовью къ нимъ пылаетъ,
 И съ нетерпѣніемъ увидѣшь ихъ желаетъ,

И только ждешь, без дальних слов,
 Чтобы онъ, взошедъ на каменную гору,
 Какая выше всѣхъ представится ихъ взору,
 Оштуда бросились въ ровъ;
 И что потомъ Зефиръ минуши не утрашишь,
 Тотчасъ лещащихъ ихъ подхватишь,
 Помчишь наверхъ въ небесный край,
 И прямо ихъ поставишь въ рай;
 А тамъ имъ всякія Амуръ явишь услуги,
 Намбрысь куюно ихъ обѣихъ возьмешь въ супруги.

Услышавъ шоль пріятну рѣчь,
 Сестры Царевнины отъ радости вскружились:
 Скорѣй коней велѣли впречь,
 Въ богаты плашья нарядились,
 Не прочили бѣлилъ, ни мушекъ, ни румянъ,
 Опрыскались водами,
 Намазались духами,
 Хулили Душеньку за дерзость и обманъ;
 Ошправились къ горѣ, и тамъ, съ крушой вершины,
 Спѣшили броситься въ стремнины;
 Но ихъ Зефиръ потомъ наверхъ не подхватилъ,
 А дулъ, какъ видно, шолько въ тылъ,
 И въ райское онъ жилище не попали,
 Лишь головы себѣ сломали.

Карая тако злость, межъ тѣмъ прекрасный Богъ
 Подробну вѣдомость имѣлъ со всѣхъ дорогъ,
 Отъ всѣхъ лѣсовъ и горъ, гдѣ Душенька являлась;
 И, свѣдавъ, что она
 Отъ всѣхъ удалена,

Въ срединѣ горѣ скрывалась,
 Донесѣ Богамъ о томъ сполна:
 Донесѣ, что Душенька была уже черна,
 Суха, худа, дурна;
 И упросилъ тогда смягченную Венеру,
 Чтобъ было, наконецъ, дозволено ему,
 Ошкрыто самому,
 Явиться къ Душенькѣ въ пещеру.

Но какъ представился тогда его очамъ
 Предметъ любви постоянной?
 Несчастна Душенька, въ печали несказанной,
 Не ѣла, не пила, не зрѣла свѣта шамъ.
 Чашапель долженъ знать сначала,
 Что Душенька тогда лежала;
 Но бокомъ, иль ничкомъ,
 Спала, или дремала,
 Не вѣдаю о томъ,
 И не хочу искашь свидѣтельства для вѣры;
 Лишь знаю, что она лежала на фашѣ,
 У входа сей пещеры,
 Скрывая голову въ пещерной темнотѣ;
 А часть оставшая являлась въ красотѣ
 На зрѣлище предъ входомъ;
 И бышь тогда могла признакомъ и доводомъ,
 Когдабъ любовный Богъ
 О точности вещей имѣлъ сомнѣнье могъ.

Зефиры видѣли и свѣшу возвѣсшили,
 Что Душеньку Амуръ издалека узналъ,
 И что, подшедъ, у ней онъ руку цѣловалъ;

Но скоро ихъ изъ глазъ обоихъ упустили.

Проснувшись Душенька тогда
Взглянула, ахнула, закрылась отъ стыда,
Уйши въ пещеру шоропилась,
И тамо наконецъ съ Амуромъ изъяснилась,
Невѣдомо въ какихъ словахъ.
А только вѣдомо, всему земному кругу,
Взаимное отъ нихъ прощенье другъ другу,
Во всѣхъ досадахъ и винахъ.

Амуръ пошомъ, при всей свободѣ,
Велѣлъ публиковать въ народѣ
Спаринну грамошу, кошору самъ Зевесъ,
Въ утѣху всѣхъ дурныхъ, на землю далъ съ небесъ ;

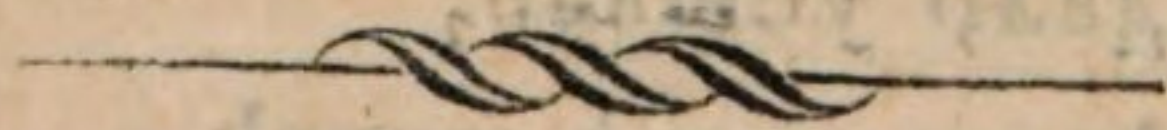
И всюду, слово въ слово,
Та грамоша тогда швердилася за ново:
»Что время дѣлаешь прекрасный видъ худымъ,
»Что вѣшній блескъ въ очахъ проходишь такъ, какъ дымъ,
»Но красота души свой образъ сохраняетъ,
»Всегда влечешь умы, всегда сердца плѣняешь.«

Слова сіи Амуръ швердя повсюду самъ,
Представилъ грамошу Венерѣ и Богамъ,
И вмѣстѣ съ грамошой онъ Душеньку представилъ,
Кошору въ черношѣ дурною онъ не сшавилъ.

Юпитеръ покачавъ
Разумной головою,
Амуру далъ усшавъ,
По силѣ старыхъ правъ,
Чтобъ вѣкъ плѣнялся онъ душевной красою,
И Душенька былабъ всегда его чешою.

Сама Богиня красоты,
 Изъ жалосшилъ тогда иль нѣкакой щещы,
 Какъ то случается обычно,
 Нашла за должно и прилично,
 Чтобы ея сноха,
 Терпѣніемъ своимъ очистясь отъ грѣха,
 Наружну красоту обратно получила.
 Богиня нѣкакой росой ее умыла:
 И стала Душенька полна, цвѣтна, бѣла,
 Какъ прежь сего была.
 Амуръ и Душенька другъ другу равны сшали,
 И ихъ тогда на вѣкъ всѣ Боги сочешали.
 Отъ нихъ родилась дочь, прекрасна шакъ какъ мать;
 Но какъ ее назвашь
 Въ Россійскомъ языкѣ, писатели не знаютъ,
 Иные дочь сію Утѣхой называютъ,
 Другіе Радостью и Жизнью, наконецъ;
 И пусть, какъ хочешь, всякъ мудрецъ
 Зовешь ее на свой особый образецъ.
 Не премѣняешся названіемъ Нашура:
 Чашашель знаетъ то, и знаетъ весь народъ,
 Каковъ бышь долженъ плодъ
 Отъ Душеньки и отъ Амура.

К О Н Е Ц Ъ.

Въ книжныхъ лавкахъ Свѣшникова ,

въ Москвѣ и въ Санктпетербургѣ

продаются слѣдующія книги:

Анакреоновы Стихошворенія, съ описаніемъ его жизни; перев. съ Греческаго Ив. Маршынова. Спб. 1 руб. 50 коп.

Гимнъ Лиро-Эпическій на прогнаніе Французовъ изъ Россіи, въ 1812 году, соч. Державина, съ примѣчаніями и объясненіями иносказательныхъ мѣстъ. Спб. 1814 г. 3 руб. 50 коп.

Гораціевы оды и письмо его о Стихошворствѣ; перев. съ Латинскаго стихами Г. Поповскимъ. Спб. 1 руб. 50 коп.

Марьино роуца, повѣсть въ стихахъ, взятая изъ сочиненій Г. Жуковскаго. Каждому изъ жителей Московскихъ, извѣстно гульбище въ Марьиной роуцѣ, но не всякой знаетъ печальное происшествіе, давшее оной таковое названіе. Легкое, пріятное перо Г. Жуковскаго еще прежде начершало сію повѣсть прозою. Нынѣ предлагается она въ стихахъ, которая, надѣемся, также понравится чувствительнымъ читательницамъ. Спб. 1818 г. 2 руб.

Нашалья Боярская дочь, повѣсть взятая изъ соч. Карамзина, въ стихахъ. Спб. 1817 г. съ картиною 3 р.

Пѣвецъ на Кремль, соч. В. Жуковскаго, съ картиною, представляющею видъ Кремля. — Авторъ представляетъ пѣвца Рускихъ воиновъ, возвратившагося на родину и поющаго пѣснь освобожденія на Кремль среди гражданъ Московскихъ въ виду жершвы, принесенной за отчизну, и въ тотъ самый день (25 Декабря), когда торжествующая Россія преклоняетъ колѣна предъ Престоломъ, спасшимъ чрезъ нее всѣ народы Европы. Спб. 1816 г. На бѣлой бум. 5 руб.

Пѣсенникъ избранный для прекрасныхъ дѣвушекъ и любезныхъ женщинъ, содержащій собраніе лучшихъ старинныхъ Рускихъ пѣсенъ и новѣйшихъ разныхъ сочинителей, какъ-то: Дмитріева, Карамзина, Неле-

динскаго-Мелецкаго, Мерзлякова, Жуковскаго, Кап-
нисша, Пушкина, Кн. Долгорукаго, Кн. Хованскаго,
Карабанова и другихъ, также нѣкошорыхъ Арій избъ
новѣйшихъ Оперъ; 2 часши, съ каршинами. М. 1820
года, въ переп. 5 руб.

Сочиненія Василья Жуковскаго, въ стихахъ и прозѣ,
въ 4 ч. съ каршинами. Часть 1 содержишь въ себѣ
Лирическія сочиненія, 2 Смѣсь, 3 Баллады, 4 Опыты
въ прозѣ. Спб. 1818 г. въ пер. 40 руб.

Сочиненія И. И. Дмишріева, 3 часши, съ виньешами;
новое изданіе. М. 1818 г. въ пер. 25 руб.

Сочиненія Николая Михайловича Карамзина, изданіе
третіе, исправленное и дополненное нѣкошорыми
піесами, кои въ прежнихъ изданіяхъ помѣщены не
были, какъ-то: записка о Московскихъ достопамят-
ностяхъ; рѣчь, произнесенная имъ въ собраніи Рос-
сійской Академіи; Біографическія извѣстія о Рус-
кихъ писателяхъ и присовокуплено 2 тома его пе-
ревода новыхъ Мармонтелевыхъ повѣстей. Сіе но-
вое изданіе сочиненій Г. Карамзина напечатано въ
одинаковомъ форматѣ съ Россійскою Исторіею,
также на бѣлой бумагѣ и хорошими лиферами, по-
чему и можешь сосставишь полное собраніе творе-
ній знаменитаго сего Писателя. М. въ Типогр. Се-
ливановскаго 1820 г.—Цѣна за 11 томовъ въ пер. 75
руб., а всѣ 20 томовъ съ Россійскою Исторіею, въ
пер. 225 руб.

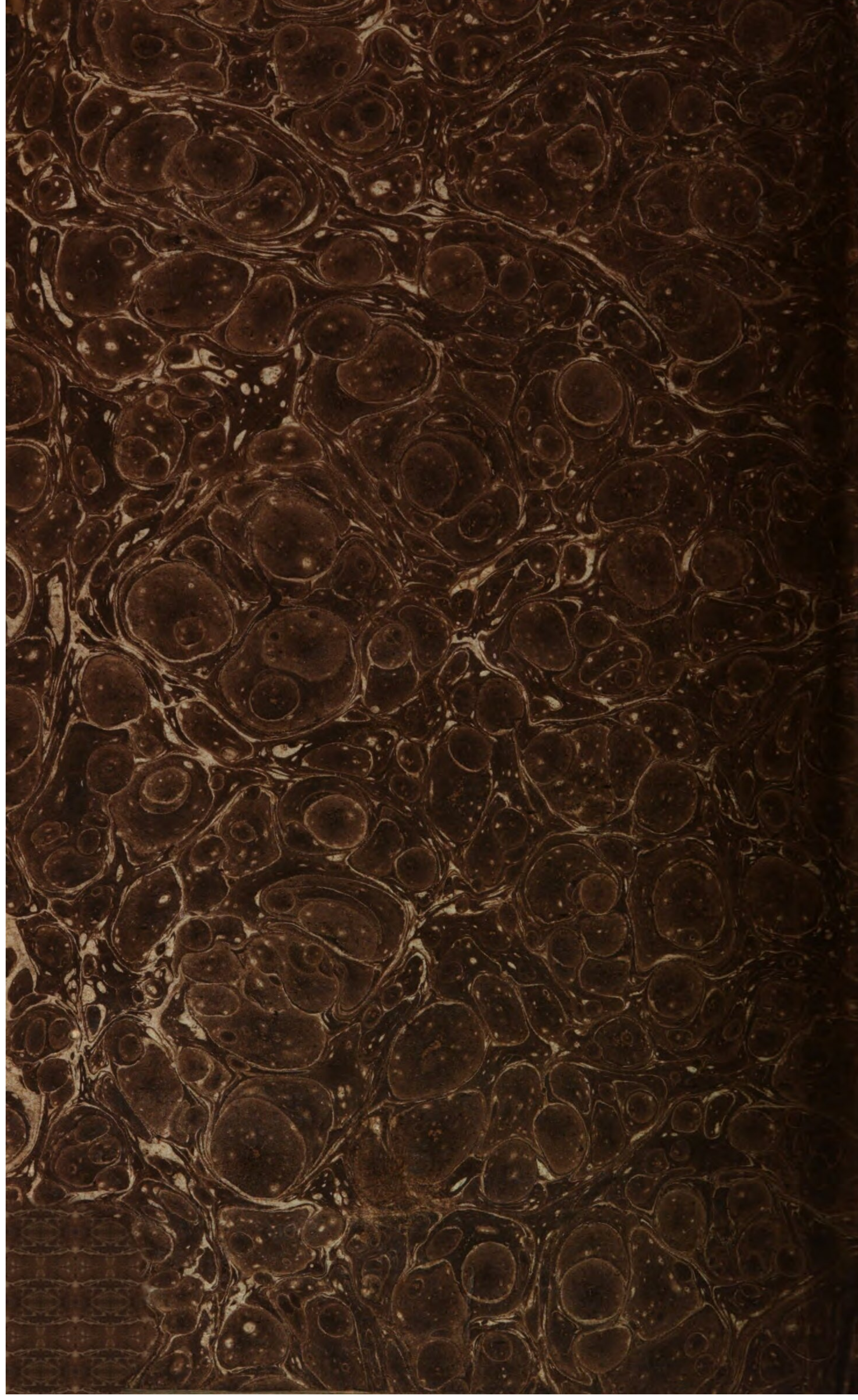
Сочиненія Акіма Нахимова, въ стихахъ и прозѣ, изданіе
третіе, съ присовокупленіемъ описанія жизни Сочини-
теля, стихотворенія, найденнаго послѣ смерти
его *къ самому себѣ*, и нѣкошорыхъ басенъ во второмъ
изданіи не помѣщенныхъ. М. 1822 г. На бѣлой бум.
7 руб. въ переп. 8 руб.

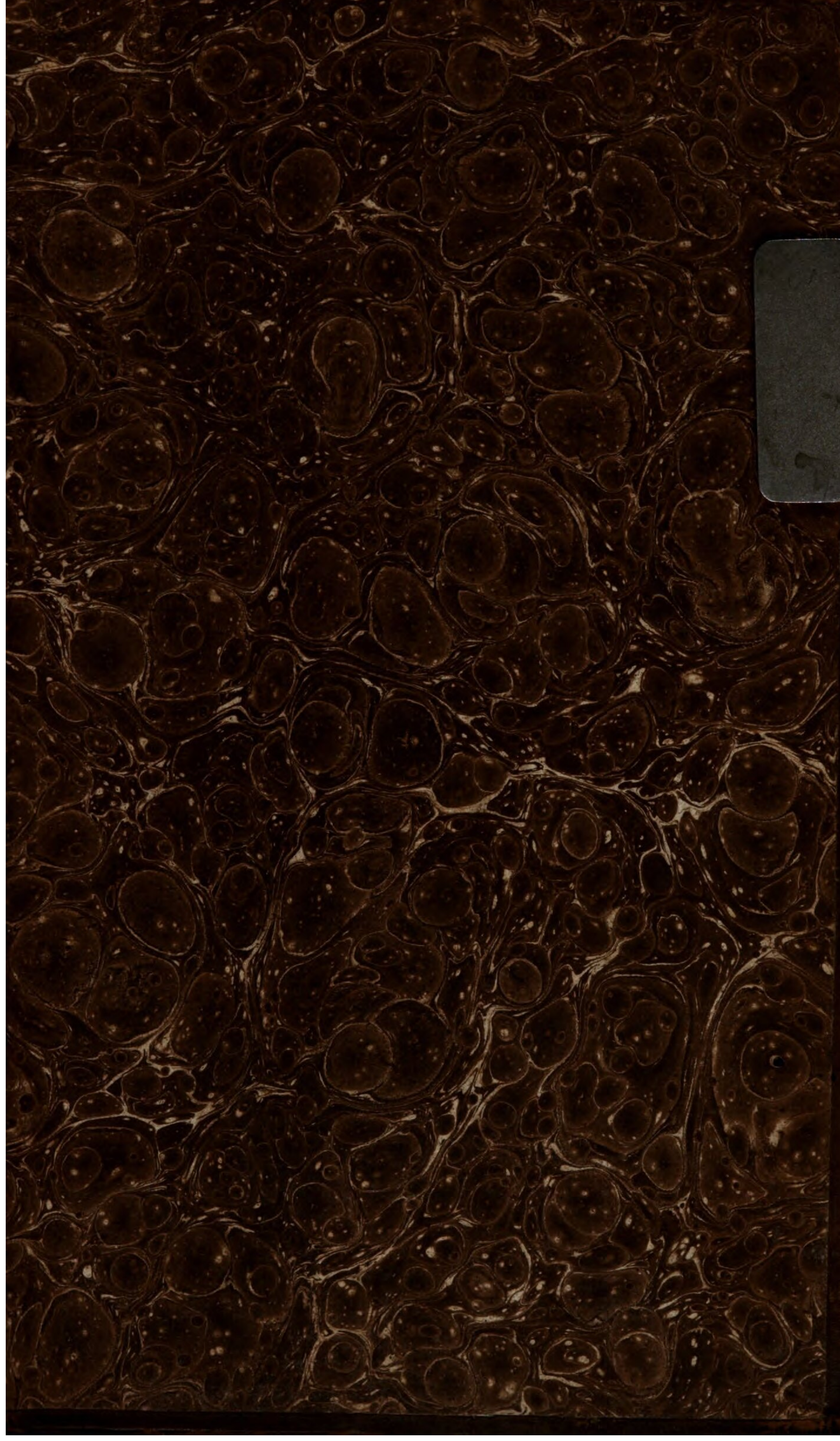
Иногородные Особы, желающія имѣть вышеозначен-
ныя и всякія другія книги, могутъ получишь оныя
чрезъ почту, адресуясь въ Москву къ Книгопродавцу
Осипу Леонтьеву Свѣшникову.

~~Smith~~

1250

1250

Bogdanovič, Ippolit F.

Dušenīa drevnjaja, pověstī volńych stichach

Moskva 1824

P.o.russ. 62 c

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610067-2